

КЕЙТ
МОРТОН

ЗАБЫТЫЙ
САД

РОМАН

The Big Book

Кейт Мортон
Забывтый сад

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Мортон К.

Забытый сад / К. Мортон — «Азбука-Аттикус», 2008 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-18249-3

Она сошла в австралийском порту с корабля, прибывшего из Англии. При девочке не было ничего, кроме чемоданчика с платьями и книги волшебных сказок. Имени своего она не помнила, знала только, что на корабль ее посадила дама, называвшая себя Сочинительницей. Добрые люди приютили малышку и дали ей имя Нелл. И лишь в день совершеннолетия приемные родители открывают девушке правду. С этой минуты жизнь Нелл абсолютно меняется: чтобы раскрыть тайну своего прошлого, она пускается в долгие поиски, которые приводят ее к берегам Англии на Корнуоллское побережье в старинный, полный тайн особняк обреченного на вымирание рода...

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-18249-3

© Мортон К., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	20
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	57
Элиза Мейкпис	59
Глава 13	63
Глава 14	70
Глава 15	79
Глава 16	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Кейт Мортон

Забытый сад

*Оливеру и Луи, которые мне дороже всей золотой пряжи
Волшебной страны*

*– Почему я должен принести именно три пряди королевы фей? –
спросил юный принц старуху. – Почему не две или четыре?*

Старуха наклонилась к нему, но прясть не перестала.

*– Другого числа нет, дитя мое. Три – число времени. Разве не
думаем мы о прошлом, настоящем и будущем? Три – число семьи. Разве
не говорим мы о матери, отце и ребенке? Три – число фей. Разве не ищем
мы их между дубом, ясенем и боярышником?*

Юный принц кивнул, ибо слова мудрой старухи были истинны.

*– Вот почему мне нужны три пряди, чтобы сплести волшебную
косу.*

Из «Волшебной косы» Элизы Мейкнис

© А. С. Киланова, перевод, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Атти-
кус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Часть первая

Глава 1

Лондон, Англия, 1913 год

Там, где она пряталась, было темно и немного страшно, но маленькая девочка старалась слушаться госпожу, которая строго-настрого запретила ей выходить из укрытия. Пока небезопасно, она должна сидеть тихо, как мышь в кладовке. Девочка думала, что это игра вроде прятков, лапты или «картошки».

Она сидела за деревянными бочками, прислушивалась к доносившимся звукам и мысленно рисовала картинку происходящего. Когда-то этому научил ее отец. Мужчины вокруг громко перекрикивались. Девочка подумала, что эти грубые голоса, наполненные морем и солью, принадлежат морякам. Вдалеке слышались гулкие корабельные гудки, пронзительные судовые свистки и плеск весел, а в вышине, распластав крылья и впитывая разливающийся солнечный свет, галдели серые чайки.

Госпожа обещала скоро вернуться, и девочка очень ждала этого. Она пряталась так долго, что солнце переместилось по небу и согревало ее колени, проникая сквозь новое платьице. Девочка слушала: не шуршат ли юбки госпожи по деревянной палубе. Обычно ее каблук дробно стучали и вечно спешили куда-то, совсем не так, как мамыны. Девочка вспомнила о маме, рассеянно, мельком, как и положено ребенку, которого горячо любят. Когда же она придет? Затем мысли снова вернулись к госпоже. Она и раньше была с ней знакома, да и бабушка говорила о ней, называя Сочинительницей. Сочинительница жила в маленьком домике на окраине поместья, за колючим лабиринтом. Но об этом девочке знать не полагалось. Мама и бабушка запрещали ей играть в лабиринте и приближаться к утесу. Это было опасно. Все же иногда, когда за ней никто не присматривал, девочке нравилось нарушать запреты.

Солнечный луч забрезжил между двумя бочками, и сотни пылинок затанцевали в нем. Девочка вытянула палец, пытаясь поймать хоть одну. Сочинительница, утес, лабиринт и мама мгновенно покинули ее мысли. Она смеялась, наблюдая за тем, как близко подлетают пылинки, прежде чем унести прочь.

Внезапно звуки вокруг изменились, шаги ускорились, голоса зазвенели от возбуждения. Девочка наклонилась, попав в завесу света, прижалась щекой к прохладной древесине бочек и одним глазком посмотрела сквозь доски.

Ей открылись чьи-то ноги, туфли, подола нижних юбок, хвосты разноцветных бумажных лент, развевающихся на ветру. Хитрые чайки рыскали по палубе в поисках крошек.

Огромный корабль накренился и низко заревел, словно из глубины своего чрева. Девочка затаила дыхание и прижала ладошки к полу. Волна колебаний прокатилась по доскам палубы, достигая кончиков ее пальцев. Мгновение неизвестности – и корабль натужно пошел прочь от пристани. Раздался прощальный гудок, пронеслась волна радостных криков и пожеланий «Bon voyage»¹. Они отправились в Америку, в Нью-Йорк, где родился ее папа. Девочка часто слышала, как взрослые шептались об отъезде. Мама убеждала папу, что ждать больше нечего и нужно уезжать как можно скорее.

Девочка снова засмеялась: корабль рассекал воду, точно гигантский кит Моби Дик из истории, которую часто читал отец. Мама не любила такие сказки. Она считала их слишком страшными и говорила, что в головке дочери не должно быть места подобным мыслям. Папа

---

¹ Доброго пути (*фр.*).

неизменно целовал маму в лоб, соглашался с ней и обещал в будущем быть осторожнее, но продолжал читать девочке об огромном ките. Были и другие любимые истории из книги волшебных сказок. Они рассказывали о сиротках и слепых старухах, о долгих путешествиях через море. Папа просил только не говорить маме. Девочка и сама понимала, что эти чтения нужно держать в секрете. Мама и так чувствовала себя неважно, она заболела еще до рождения дочери. Бабушка частенько напоминала девочке о том, что нужно хорошо себя вести, так как маме нельзя расстраиваться. С мамой может случиться нечто ужасное, и только девочка будет во всем виновата. Девочка твердо хранила в секрете волшебные сказки, игры у лабиринта и то, что папа водил ее в гости к Сочинительнице. Она любила маму и не хотела ее огорчать.

– Ага! – раздался голос над ухом. – Попалась!

Кто-то отодвинул бочку в сторону, и девочка зажмурилась от солнечных лучей. Она моргала, пока обладатель голоса не заслонил свет. Это был большой мальчик, восьми или девяти лет.

– Ты не Салли, – заключил он, разглядывая ее.

Девочка отрицательно покачала головой.

– Кто ты?

По правилам игры она не должна открывать свое имя незнакомцам.

– Ну?

– Секрет.

Он сморщил нос, и веснушки на его лице собрались вместе.

– Это еще почему?

Девочка пожала плечами. О Сочинительнице тоже нельзя было говорить.

– А где тогда Салли? – Мальчик начал терять терпение. Он огляделся по сторонам. – Она побежала сюда, я уверен.

Вдруг по палубе прокатился смех, раздался шорох и быстрые шаги. Лицо мальчика прояснилось.

– Скорее! Не то удерет!

Девочка высунула голову из-за бочки. Она смотрела, как мальчик ныряет сквозь толпу, увлеченный погоней за вихрем белых нижних юбок.

У нее даже пальчики ног зачесались, так хотелось поиграть вместе с ними.

Но Сочинительница велела ждать.

Мальчик убежал все дальше. Он обогнул тучного мужчину с навощенными усами, отчего тот нахмурился и черты его лица сбегались к переносице, точно семейка перепуганных крабов.

Девочка засмеялась.

Может, все это часть той же игры? Сочинительница похожа на ребенка больше, чем другие взрослые. Вполне возможно, что она просто играет с ней.

Девочка выскользнула из-за бочек и попыталась выпрямиться. Левая нога так затекла, что ее пощипывало и покалывало. Пришлось подождать, пока пройдет онемение. В это время мальчик повернул за угол и исчез.

Более не рассуждая, девочка рванула за ним. Стучали пятки, сердце пело в груди.

Глава 2

Брисбен, Австралия, 1930 год

День рождения Нелл решили отпраздновать в здании сельского клуба. Сначала Хеймиш предложил новый танцзал на Гивен-террас, но Нелл, повторяя слова матери, заявила, что глупо идти на лишние расходы, особенно в такое трудное время. Хеймиш уступил, он настоял лишь на заказе особого кружева из Сиднея, которым дочь мечтала украсить платье. Жена поведала об этом перед своей смертью. В тот вечер Лил взяла мужа за руку и показала газетное объявление с адресом на Питт-стрит. Она пояснила, что это тончайшее кружево будет много значить для старшей дочери, каким бы экстравагантным оно ни казалось. Затем, когда придет время, его можно будет переставить на подвенечное платье. Жена улыбнулась, и ей снова стало шестнадцать. Он был покорен.

К тому времени мать и дочь шили праздничное платье уже пару недель. По вечерам Нелл возвращалась с работы из газетного киоска. После чая она доставала корзинку с шитьем и садилась у постели больной матери. Младшие девочки вяло пререкались на веранде, а москиты так густо висели в сыром и теплом воздухе, что казалось, от их гудения можно сойти с ума. Иногда мать с дочерью смеялись над чем-то произошедшим в газетном киоске, например над спором Макса Фицсиммонса с покупателем или очередной жалобой миссис Блэкуэлл на здоровье. Отец слонялся у двери, набивал трубку табаком и слушал, как Нелл, понизив голос и раздумываясь от удовольствия, повторяла какие-нибудь слова Денни, его обещания о доме сразу после свадьбы, о машине, которую, по мнению его отца, удастся купить за гроши. Денни обещал и новейший миксер из универсального магазина Мак-Уиртерса.

Хеймиш любил Денни. Лучшего жениха для Нелл он и пожелать не мог. Пара была неразлучна с момента знакомства. Глядя на них, Хеймиш вспоминал свои первые годы с Лил. Они были молоды и счастливы, как жаворонки. Будущее расстилалось перед ними чистым листом. И действительно, их брак оказался удачным. Бывали сложные времена, давно, еще до рождения девочек, но в итоге все складывалось хорошо...

Трубка набита, повода медлить больше нет, Хеймишу пора идти. Он нашел себе тихое местечко в конце веранды, темный уголок, где можно спокойно посидеть, насколько это вообще возможно в доме, полном шумных дочерей. А здесь лишь он да мухобойка на подоконнике, на случай, если комары подберутся слишком близко. Хеймиш погрузился в размышления о тайне, которую хранил долгие годы.

Он чувствовал, что время близится, и его напряжение нарастало. Дочери почти двадцать один, она взрослая женщина, вступающая в собственную жизнь. К тому же Нелл помолвлена, ни больше ни меньше. Она вправе знать правду.

Хеймиш никогда не говорил об этом с женой, заранее зная ее мнение. Меньше всего на свете он хотел, чтобы Лил волновалась, тратила последние дни на попытки отговорить его, как не раз случалось в прошлом.

Иногда, подбирая слова для признания, Хеймиш ловил себя на мысли, что лучше бы на месте Нелл была другая дочь. Он ругал себя за то, что завел любимицу, пусть и втайне от всех. Просто Нелл всегда была особенной, пылкой, с живым воображением, совсем не такой, как другие. Он часто думал, что и на Лил она похожа больше сестер, хотя, конечно, это невозможно.

Готовясь к празднику, на стропила повязали ленточки – белые, в цвет платья Нелл, и рыжие, в цвет ее волос. Старый деревянный зал, быть может, не обладал лоском и гляncем новых кирпичных городских зданий, но отдраен был что надо. Рядом со сценой четыре младшие сестры Нелл поставили стол для подарков, и на нем уже образовалась целая горка. Дамы из

церкви приготовили ужин, а Этель Мортимер села за пианино и заиграла романтические мелодии военной поры.

Сначала гости смущенно стояли у стен, сбиваясь в стайки. Постепенно музыка нарастала и самые бойкие парни набирались храбрости. Молодежь разбивалась на пары и выходила в зал. Младшие сестры увлеченно наблюдали за этим, пока их не отправили на кухню носить подносы с едой.

Когда пришло время речей, щеки присутствующих горели, а каблуки сбились от танцев. Морси Макдоналд, жена священника, постучала по бокалу, добиваясь тишины. Все повернулись к Хеймишу, который стоял у стола с подарками и разворачивал маленький листок, лежавший до этого в нагрудном кармане. Он прокашлялся и провел рукой по волосам, хранившим следы расчески. Ораторское искусство никогда не было его коньком. Он предпочитал не лезть в чужие дела и держать при себе свое мнение, позволяя болтать более крикливым приятелям. Но все же совершеннолетие дочери бывает раз в жизни. Долг отца поздравить ее. Хеймиш всегда выполнял свой долг и следовал правилам. Или почти всегда.

Он улыбнулся на замечание одного из своих портовых приятелей, сжал в ладонях листок и глубоко вдохнул. Один за другим он зачитывал пункты своего списка, написанные мелкими черными буквами: как они с матерью всегда гордились Нелл; как радовались ее появлению; как он любит Денни. В довершение он добавил, что Лил, узнав перед кончиной о помолвке дочери, была особенно счастлива.

При упоминании о недавней смерти жены у Хеймиша защипало глаза, и он умолк. Мгновение он стоял, блуждая взглядом по лицам друзей и дочерей, и задержался на Нелл. Девушка улыбалась словам жениха, которые тот шептал ей на ушко. Словно туча набежала на чело хозяйина дома, и гостям показалось, что грядет какое-то важное объявление, но миг прошел. Лицо Хеймиша прояснилось, он вернул листок бумаги в карман. «Пора новому мужчине войти в семью, – подумал он, улыбаясь. – Глядишь, все и наладится».

Женщины хлопотали на кухне, предлагая гостям сэндвичи и чай, но Хеймиш лишь ненадолго задержался там. Кто-то пронесся мимо, хлопал его по плечу, кричал: «Отлично сказано, приятель». Одна из дам сунула ему в руку чашку. Речь удалась, и все же Хеймиш не мог расслабиться. Его сердце отчаянно билось, он потел, хотя в комнате вовсе не было жарко.

Конечно, он знал причину: еще не все задуманное на этот день было выполнено. Когда он увидел, как Нелл одна выскользнула через боковую дверь на площадку, то ухватился за этот шанс. Хеймиш прочистил горло, нашел свободное место на столе с подарками, поставил чашку и вышел из теплой комнаты в прохладную ночь.

Девушка стояла у серебристо-зеленого ствола одинокого эвкалипта. Хеймиш подумал, что когда-нибудь горные склоны и овраги по обе стороны порастут этими чудесными деревьями. Верно, дивное зрелище будет: строй призрачных стволов в лунном свете.

Пора. Из-за своей слабости он тянет время, пытаясь уклониться от важного шага.

Пара черных летучих мышей бесшумно спикировала сквозь ночное небо. Хеймиш спустился по шатким деревянным ступенькам на мокрую от росы траву.

Дочь, видимо, услышала или почувствовала его шаги, так как обернулась с радостной улыбкой.

Он встал рядом, и девушка поведала, что думала о маме, гадала, с какой из звезд та наблюдает за ними.

Хеймиш чуть не расплакался. Черт побери, она только что впутала в это Лил! Предупредила, что жена все видит и не одобряет его намерения. Он почти слышал голос Лил и все ее прежние доводы...

Но он решился и не собирался отступить. В конце концов, сам когда-то заварил эту кашу, пусть и невольно. И теперь сам должен все объяснить. Все тайное становится явным, и будет лучше, если правду дочь узнает от него.

Он взял ладони Нелл и по очереди поцеловал их, крепко сжимая мягкие гладкие пальцы в своих загрубелых от работы руках.

Его дочь. Его первая дочь.

Она улыбнулась ему, сияющая в изысканном, отделанном кружевом платье.

Хеймиш улыбнулся в ответ.

Затем усадил ее рядом с собой на поваленный ствол эвкалипта, гладкий и белый. Он наклонился к уху дочери и прошептал секрет, который хранил вместе с женой семнадцать лет. Вспышка исказила лицо Нелл, когда она осознала смысл сказанного. Привычный для нее мир перевернулся, и та, кем она была раньше, исчезла в мгновение ока.

Глава 3

Брисбен, Австралия, 2005 год

Кассандра дневала и ночевала в больнице, хотя врач сказал, что бабушка вряд ли придет в себя. Слишком много ей было лет, и слишком велико было количество морфия в организме.

Пришла ночная медсестра, и Кассандра поняла, что день кончился. В больнице сложно угадать точное время: свет в вестибюле горит, телевизор включен, хоть экрана и не видно из палаты, тележки катаются туда-сюда вне зависимости от времени суток. Забавно, что заведение, где так важен распорядок, должно работать, напрочь выбиваясь из привычных временных ритмов.

И все же девушка надеялась. Смотрела на Нелл, утешала ее, пока та тонула в море воспоминаний, изредка всплывая, чтобы вновь глотнуть воздуха прошлого. Кассандре была невыносима мысль о том, что бабушка, одолев препятствия по дороге в настоящее, обнаружит, что балансирует на краю жизни одна.

Медсестра заменила пустой пакет из-под капельницы на полный, повернула диск на устройстве за кроватью и стала поправлять белье.

– Она ничего не пила. – Собственный голос показался Кассандре чужим. – Весь день.

Медсестра подняла взгляд, удивившись, что с ней заговорили. Она посмотрела поверх очков на кресло, в котором сидела Кассандра, укутав колени мягким сине-зеленым больничным одеялом.

– Вы меня напугали, – сказала она. – Вы здесь весь день провели, верно? Оно и лучше: уже недолго осталось.

Кассандра пропустила намек мимо ушей.

– Может, дать ей попить? Она, наверное, хочет пить.

Медсестра разгладила простыни и деловито подоткнула их под тонкие руки Нелл.

– Не хочет. На то ей и капельница поставлена, – ответила она, проверяя записи в карточке Нелл. – Дальше по коридору можно сделать чай, если хотите.

Медсестра ушла. Кассандра увидела, что глаза Нелл открыты и смотрят на нее.

– Кто ты?

– Это я, Кассандра.

После недолгого замешательства Нелл спросила:

– Я тебя знаю?

Врач предупреждал, но до чего больно было видеть это!

– Да, Нелл.

Бабушка смотрела на нее водянисто-серыми глазами. Она неуверенно моргнула.

– Я не могу вспомнить...

– Ш-ш-ш... Все хорошо.

– Кто я?

– Тебя зовут Нелл Эндрюс, – сказала Кассандра, беря старушку за руку. – Тебе девяносто пять лет. Ты живешь в старом доме в Паддингтоне.

Губы Нелл дрожали – она пыталась сосредоточиться и понять смысл сказанного.

Кассандра взяла салфетку с прикроватного столика и осторожно вытерла нитку слюны с подбородка своей бабушки.

– У тебя есть лавка в антикварном центре на Латрууб-террас. Она принадлежит нам обеим. Там продаются старые вещи.

– Я тебя знаю, – тихо сказала Нелл. – Ты дочка Лесли.

Девушка удивленно моргнула. Они редко говорили о ее матери, едва ли хоть раз за все время, что Кассандра росла. И за последние десять лет, которые она прожила в квартире на

нижнем этаже дома Нелл после возвращения, ни разу не поднимали эту тему. Они, не сговариваясь, решили не ворошить прошлое, которое по разным причинам предпочитали забыть.

Нелл заговорила. Ее встревоженные глаза изучали лицо Кассандры.

– Где мальчик? Надеюсь, не здесь. Он здесь? Я не хочу, чтобы он трогал мои вещи. Ломал их.

У Кассандры закружилась голова.

– Это дорогие вещи. Не подпускай его к ним.

Запинаясь, девушка подыскивала ответные слова.

– Нет... Нет, не подпущу. Не волнуйся, Нелл. Его здесь нет.

Позже, когда бабушка снова впала в беспамятство, Кассандра задумалась над жестокой способностью рассудка ворошить прошлое. Почему в конце жизни голова Нелл должна звенеть от голосов давно умерших людей? Всегда ли так происходит? Неужели каждый, кто взял билет на безмолвный корабль смерти, неизменно ищет на палубе лица тех, кто отчалил раньше?

Кассандра, должно быть, уснула, потому что в следующее мгновение больница оказалась во власти ночи. Свет в вестибюле погас, повсюду слышались отзвуки сна. Девушка осела в кресле, шея ее затекла, а лодыжка, высунувшаяся из-под тонкого одеяла, замерзла. Было поздно, и Кассандра устала. Что разбудило ее?

Нелл, ее дыхание, ставшее громким. Она не спала. Кассандра метнулась к кровати и присела на краешек. В полумраке глаза Нелл казались стеклянными, выцветшими и мутными, как вода с пятнами краски. Тонкая нить ее голоса почти перетерлась. Сначала Кассандра не расслышала слов и подумала, что губы бабушки беззвучно шевелятся, повторяя давно забытые слова. Потом она осознала, что Нелл говорит вслух.

– Госпожа, – произнесла она. – Госпожа велела ждать...

Кассандра погладила Нелл по теплому лбу, откинула мягкие пряди волос, которые когда-то блестели, точно серебряная пряжа. Опять эта госпожа!

– Она не будет против, – сказала Кассандра. – Госпожа не будет возражать, если ты уйдешь.

Губы Нелл сжались, потом задрожали.

– Мне нельзя шевелиться. Она велела ждать здесь, на корабле. – Старушка еле шептала. – Госпожа... Сочинительница... Не говори никому.

– Ш-ш-ш, – успокоила ее Кассандра. – Я никому не скажу, Нелл, я не скажу госпоже. Можешь идти.

– Она обещала вернуться за мной, но я не послушалась. Я не сидела там, где мне сказали. Бабушка вдруг начала задыхаться. Кассандра запаниковала.

– Прощу тебя, не волнуйся, Нелл, пожалуйста. Все хорошо. Обещаю.

Голова старушки упала набок.

– Я не могу идти... Я не должна была... Сочинительница...

Кассандра нажала на кнопку вызова помощи, но над кроватью не загорелся ни один огонек. Девушка помедлила, прислушиваясь к шагам в коридоре. Веки Нелл трепетали, она ускользала прочь.

– Я позову медсестру...

– Нет! – Нелл слепо потянулась, стараясь схватить Кассандру. – Не бросай меня!

Старушка безмолвно заплакала. Слезы влажно блестели на ее сереющей коже.

Кассандра прикусила губу.

– Все хорошо, бабушка. Я схожу за помощью. Я скоро вернусь, обещаю.

Глава 4

Брисбен, Австралия, 2005 год

Дом, казалось, знал о смерти хозяйки, и если не горевал по ней, то, по крайней мере, погрузился в угрюмую тишину. Нелл никогда особо не любила ни гостей, ни вечеринки (мышь на кухне шумела больше, чем внучка), так что дом понемногу привык жить без суматохи. И для него стало настоящим ударом, когда вскоре после смерти Нелл неожиданно, без всяких предупреждений, появились ее родственники. Они начали бродить по комнатам и саду, потягивая чай и роняя крошки. Ссутулившись на склоне холма, совсем спрятавшись за большим антикварным центром, дом стоически переносил это последнее оскорбление.

Разумеется, все устроили тетки. Кассандра прекрасно обошлась бы без суеты, почтив память бабушки в одиночестве, но тетки и слышать об этом не хотели. Они решили, что по Нелл непременно нужно справить поминки. Семья захочет выразить соболезнования, как и друзья Нелл. Кроме того, это просто принято.

Кассандра была не в силах противостоять столь бесхитростной убежденности. Раньше она вступила бы в спор, но не теперь. К тому же теток невозможно было остановить. Все они были куда более энергичны, чем позволяет предположить их немалый возраст (самой молодой, тете Хетти, не меньше семидесяти пяти). Так что Кассандра оставила дурные предчувствия, не стала говорить, что друзей у Нелл не было, и занялась делом. Она разобрала чайные чашки и блюдца, нашла десертные вилки, убрала часть безделушек Нелл, чтобы теткам было где сесть. Девушка позволила им хлопотать со всеми положенными помпой и самодовольством.

На самом деле они не были тетками Кассандры. Они были тетками ее матери, младшими сестрами Нелл. Но Лесли это родство было ни к чему, и тетки быстро приняли Кассандру под крыло вместо нее.

Девушка ожидала, что, возможно, мать придет в крематорий после начала церемонии. При этом, как всегда, будет выглядеть на тридцать лет моложе, чем на самом деле, притягивая восхищенные взоры. Прекрасная, молодая и невероятно беззаботная.

Но она не явилась. Тогда Кассандра предположила, что придет открытка с картинкой, не соответствующей поводу. Она представила крупный затейливый почерк матери, привлекающий внимание, с набегавшими друг на друга строчками, и внизу под текстом – множество поцелуев, из тех, что легко раздаются.

На кухне Кассандра набрала в раковину воду и окунула туда руки.

– Что ж, думаю, все прошло превосходно, – сказала Филлис, старшая после Нелл и куда более властная. – Нелл понравилось бы.

Кассандра отвела глаза.

– Ну, – продолжила тетка, на мгновение прервавшись, чтобы вытереть тарелку, – если бы до сестры все-таки дошло, что поминки – дело нужное. – Внезапно ею овладел материнский инстинкт. – А ты как поживаешь?

– Нормально.

– Ты исхудала. Не забываешь есть?

– Ем три раза в день, как положено.

– Тебе не мешает поправиться. Приходи на чай завтра вечером, я приглашу семью, приготовлю картофельную запеканку с мясом.

Кассандра не стала возражать.

Филлис подозрительно оглядела старую кухню, отметив взглядом провисшую вытяжку.

– Тебе не страшно здесь одной?

– Нет, не страшно...

– И все же одиноко. – Филлис сморщила нос в искреннем сочувствии. – Несомненно, одиноко. Понятное дело, ведь вы с Нелл были очень близки.

Подтверждения она ждать не стала, лишь положила веснушчатую руку на предплечье Кассандры и слегка надавила, продолжая ободрительно щебетать:

– У тебя все будет хорошо. Знаешь почему? Всегда больно терять близкого человека, но легче, если он стар. Так устроена жизнь. Куда хуже, если он молод...

Тетка умолкла, ее плечи напряглись, а щеки покраснели.

– Да, – быстро согласилась Кассандра, – конечно.

Девушка перестала мыть чашки и обернулась, чтобы посмотреть через кухонное окно на задний двор. Мыльная пена стекала по ее пальцам, по золотому браслету, который она забыла снять.

– Надо бы заняться прополкой. Не то тропинка зарастет настурциями.

Филлис охотно сменила тему разговора:

– Я пришлю Тревора помочь. – Ее узловатые пальцы сжали руку Кассандры еще крепче. – Как насчет следующей субботы?

В этот миг, шаркая, вошла тетя Дот. Она принесла из гостиной очередной поднос грязных чашек. С дребезжанием плюхнув его на стойку, Дот прижала тыльную сторону пухлой ладони ко лбу.

– Наконец-то, – сказала она, моргая на Кассандру и Филлис через невероятно толстые стекла очков. – Последний.

Она вразвалочку подошла к кухонной стойке и открыла круглую коробку из-под торта.

– Я даже проголодалась.

– Ах, Дот, – всплеснула руками Филлис, ухватившись за возможность сделать сестре внушение. – Ты только что поела!

– Час назад.

– А как же твой желчный пузырь? Я думала, ты следишь за весом.

– Слежу. Я сбросила семь фунтов с Рождества.

Она вернула пластиковую крышку на место, выпрямилась и обхватила немаленькую талию обеими руками. Встретив подозрительный взгляд сестры, Дот добавила:

– Правда-правда сбросила.

Кассандра скрыла улыбку и продолжила мыть чашки. Тетки были одна круглее другой. Они унаследовали склонность к полноте от мамы, а та – от своей матери. Нелл единственная избежала семейного проклятия и пошла в долговязого и тощего отца-ирландца. Они всегда забавно смотрелись вместе – высокая стройная Нелл и ее пухлые сестры-коротышки.

Филлис и Дот продолжали пререкаться. Кассандра по опыту знала, что, если не проведи отвлекающий маневр, ссора будет разгораться, пока одна из них не бросит кухонное полотенце и не вылетит из дома в глубоком возмущении. Девушка уже видела это прежде и все же не могла привыкнуть к тому, что определенные фразы и слишком долгие взгляды мгновенно оживляют давний разлад. Будучи единственным ребенком, Кассандра считала проторенные тропки взаимодействия сестер равно пленительными и ужасными. К счастью, остальных теток уже разобрали по домам их домочадцы, так что некому было подбросить дровишек в огонь этого спора.

Кассандра деликатно покашляла.

– Знаете, я кое-что хотела спросить... – Девушка чуть повысила голос и почти завоевала внимание. – О Нелл. О том, что она сказала в больнице.

Филлис и Дот повернулись, обе с пылающими щеками. Упоминание о сестре, похоже, уладило их, напомнило, почему они здесь собрались.

– Спросить о Нелл? – повторила Филлис.

Кассандра кивнула:

– В больнице, перед самым концом, бабушка говорила о женщине. Она называла ее госпожой, Сочинительницей. Похоже, Нелл казалось, что они на каком-то корабле.

Филлис поджала губы.

– Ее рассудок блуждал, она не знала, что говорит. Возможно, воображала себя героиней какого-то телешоу. Кажется, ее любимый сериал снимали на корабле.

– Ах, Филл... – покачала головой Дот.

– Уверена, что помню, как сестра говорила об этом!

– Да ладно, Филл, – оборвала ее Дот. – Нелли больше нет. Что уж теперь!

Филлис сложила руки на груди и с сомнением запыхтела.

– Надо ей рассказать, – мягко настаивала Дот. – Какой в этом вред? Теперь-то.

– Рассказать мне что?

Кассандра переводила взгляд с одной на другую. Она просто хотела предотвратить очередную семейную сцену и никак не ожидала обнаружить странный намек на тайну. Тетки так сосредоточились друг на друге, что, казалось, забыли о присутствии девушки.

– Рассказать мне что? – повторила она.

Дот подняла брови, глядя на Филлис.

– Лучше пусть узнает от нас, чем от кого-нибудь постороннего.

Филлис едва заметно кивнула, встретила взгляд сестры и мрачно улыбнулась. Общая тайна вновь сделала их союзницами.

– Хорошо, Касс. Ты лучше присядь, – наконец сказала она. – Дотти, милая, поставь чайник. Сделай нам по чашечке.

Кассандра прошла вслед за Филлис в гостиную и села на диван. Филлис разместила свой широкий зад на другом конце дивана и затеребила торчащую из обивки нитку.

– Даже не знаю, с чего начать. Я так давно об этом не вспоминала.

Кассандра пришла в замешательство.

– О чем – об этом?

– То, что я собираюсь тебе рассказать, – наша большая семейная тайна. У всех семей есть тайны, не сомневайся, просто у некоторых они больше. – Филлис нахмурилась, глядя в сторону кухни. – Почему Дот так долго? Медлительна, как черепаха.

– В чем дело, Филл?

Тетка вздохнула:

– Я обещала себе, что больше никому не расскажу. В семье и так все пошло наперекосяк. Лучше бы папа промолчал. Думал, что правильно поступает, бедняжка.

– Что же он сделал?

Если Филлис и слышала, то виду не подала. Это ее история, и она расскажет ее так, как считает нужным.

– Мы были счастливой семьей. Не слишком зажиточной, но вполне счастливой. Мама, папа и мы, девочки. Нелли была самой старшей, как ты знаешь. Затем, лет через десять после Первой мировой, начали появляться остальные. – Она улыбнулась. – Ты не поверишь, но Нелли была жизнью и душой семьи. Мы все восхищались ею. Мы, младшие, полагали ее кем-то вроде матери, особенно когда мама заболела. Нелл так заботливо ухаживала за ней.

Кассандра вполне могла это представить, но вот насчет того, что ее бабушка со своим колючим характером была жизнью и душой семьи...

– Что же произошло?

– Долгое время мы сами не знали. Так решила Нелл. Все в нашей семье изменилось, а мы и не догадывались почему. Наша старшая сестра стала чужой и, казалось, разлюбила нас. Не в один миг, не так драматично. Она просто отстранилась, мало-помалу отделилась от нас. Это было так странно, так больно, но из отца нельзя было вытянуть ни слова, сколько мы ни приставали к нему. Мой муж, благослови его Боже, наконец-то вывел нас к истине. Не нарочно,

конечно. Он вовсе не собирался раскрывать секрет Нелл. Просто вообразил себя любителем истории, вот и все. Решил составить фамильное древо, когда родился наш Тревор, в том же году, что и твоя мама, – в тысяча девятьсот сорок седьмом.

Филлис умолкла и пронзила Кассандру взглядом, ожидая, что та интуитивно проникнет в суть тайны, которую ей предстоит услышать. Но Кассандра не проникла.

– Однажды он пришел ко мне на кухню, как сейчас помню, и поделился тем, что не может найти упоминание о рождении Нелл в регистрационной книге. «Ну конечно не можешь, – сказала я. – Нелли родилась в Мэриборо до того, как семья собрала пожитки и переехала в Бри-сбен». Оказалось, что Дуг тоже так думал, но, когда запросил сведения из канцелярии Мэриборо, ему ответили, что данных нет.

Филлис многозначительно посмотрела на Кассандру.

– То есть Нелл не существовало. По крайней мере, официально.

Кассандра подняла глаза: Дот пришла из кухни и протянула ей чашку чая.

– Я не понимаю.

– Ну конечно не понимаешь, детка, – сказала Дот, усаживаясь рядом с Филлис. – Мы тоже очень долго не понимали. – Она покачала головой и вздохнула. – Пока не поговорили с Джун на свадьбе Тревоора, правильно, Филли?

Та кивнула.

– В тысяча девятьсот семьдесят пятом. Я безумно злилась на Нелл. Мы совсем недавно потеряли отца, и вот мой старший сын, племянник Нелли, женится, а она даже не соизволила явиться. Вместо этого укатила отдыхать. Вот почему, когда я говорила с Джун, я от души нажаловалась на Нелл.

Кассандра запуталась, она никогда особо не разбиралась в обширной паутине дружеских и родственных связей теток.

– Какая еще Джун?

– Одна из наших кузин, – пояснила Дот, – с маминой стороны. Ты наверняка с ней встречалась. Она примерно на год старше Нелл. В детстве они были неразлейвода.

– Уж это точно, – фыркнула Филлис, – ведь только с ней Нелл поделилась, когда все произошло.

– Что и когда произошло? – спросила Кассандра.

Дот наклонилась к ней:

– Папа рассказал Нелл...

– Папа рассказал Нелл то, чего не следовало, – быстро вставила Филлис. – Думал, что правильно поступает, бедолага. И сожалел об этом всю оставшуюся жизнь, ведь их отношения так и не стали прежними.

– Папа всегда обожал Нелл.

– Он всех нас любил! – рявкнула Филлис.

– Ах, Филл! – Дот закатила глаза. – Даже сейчас не можешь признать! Нелл была его любимицей, чего уж тут крутить. Ирония судьбы, что ни говори.

Филлис не ответила, поэтому Дот, захватив нить разговора, радостно продолжила:

– Это случилось в вечер ее двадцать первого дня рождения, – сказала она. – После праздника...

– И вовсе не после праздника, – возразила Филлис, – а во время его. – Тетка повернулась к Кассандре. – Полагаю, отец счел праздник подходящим случаем, чтобы рассказать все Нелл перед началом ее новой жизни. Она была обручена, собиралась выйти замуж. Не за твоего дедушку, за другого мужчину.

– Серьезно? – удивилась Кассандра. – Она никогда мне не говорила.

– Он был ее настоящей любовью, как мне кажется. Местный парень, совсем не такой, как Эл.

Последнее имя Филлис произнесла с толикой неприязни. Все знали, что тетки недолюбливали американского мужа Нелл. Ничего личного, скорее общее презрение горожан, которым было не по душе, что во время Второй мировой армейские заявили в Брисбен, пытаясь увлечь местных красоток полными карманами денег и шеголеватой формой.

– И что случилось? Почему она не вышла за него?

– Нелл разорвала помолвку через несколько недель после того дня рождения, – ответила Филлис. – Вот горе-то! Нам всем ужасно нравился Денни, а она разбила ему сердце, бедняжке. В конце концов он женился на другой, перед самой Второй мировой. Но счастья ему это не принесло. Парень так и не вернулся из схватки с японцами.

– Отец велел Нелл не выходить за него? – спросила Кассандра. – Тем вечером он запретил ей выходить за Денни?

– Вряд ли, – усмехнулась Дот. – Папа считал, что краше Денни во всем белом свете молодца нет, наши мужья и в подметки ему не годились.

– Тогда почему она порвала с ним?

– Она не назвала причину даже своему жениху. Мы чуть не рехнулись, пытаясь все выяснить, – ответила Филлис. – Мы знали только, что Нелл не говорила об этом с папой и с Денни она ничего не обсуждала.

– Мы долго не знали правды, пока Филли не поговорила с Джун, – добавила Дот.

– Почти через сорок пять лет.

– Что сказала Джун? – спросила Кассандра. – Что случилось на празднике?

Филлис отпила чаю и подняла брови, глядя на девушку.

– Папа сказал Нелл, что она им не родная дочь.

– Ее удочерили?

Тетки обменялись взглядами.

– Не совсем, – ответила Филлис.

– Скорее, ее нашли, – добавила Дот.

– Взяли.

– Забрали.

Кассандра нахмурилась:

– Где нашли?

– На пристани в Мэриборо, – ответила Дот. – Там, где причаливали большие корабли из Европы. Сейчас их там и в помине нет. Полно других портов намного крупнее, а большинство людей и вовсе предпочитают летать...

– Папа ее нашел, – перебила Филлис. – Когда она была совсем крошкой, перед самой Первой мировой. Люди толпами бежали из Европы, и мы с радостью принимали их здесь, в Австралии. Корабли приходили в порт через день. Папа был в то время начальником порта. Он следил, все ли путешественники являются теми, за кого себя выдают, и приехали именно туда, куда собирались. Некоторые из них не умели говорить по-английски. Насколько я поняла, однажды днем началась настоящая суматоха. Корабль пришел в порт из Англии после кошмарного путешествия: тиф, инфекции, солнечные удары, всего хватало. Когда судно причалило, на борту оказался лишний багаж и неучтенные пассажиры. Просто беда. Конечно, папа со всем разобрался, он всегда умел наводить порядок, но засиделся дольше обычного. Он еще раз все проверил, рассказал ночному сторожу, что случилось, и объяснил, откуда в конторе лишний багаж. Тогда папа и увидел чью-то фигурку на пристани. Маленькая девочка, не старше четырех лет, сидела на детском чемоданчике.

– И на мили вокруг – ни души. – Дот покачала головой. – Она была совсем одна!

– Разумеется, он попробовал выяснить, кто она такая, но девочка не ответила. Заявила, что не знает, не может вспомнить. На чемодане не было бирки с именем, и содержимое его ни о чем не говорило, по крайней мере ему. Было уже поздно, темнело, погода начинала портиться.

Понятно было, что девочка проголодалась. В конце концов папа решил забрать ее домой. А что еще ему оставалось? Он же не мог просто бросить ее на пристани в дождливую ночь.

Кассандра покачала головой, пытаясь соотнести усталую и одинокую девочку из рассказа с той Нелл, которую знала.

– По словам Джун, на следующий день отец вернулся на работу, ожидая увидеть обезумевших родственников, полицию и следствие...

– Но никого не нашел, – закончила Дот. – День за днем ничего не происходило, никто не интересовался девочкой.

– Как будто она не оставила следа. Конечно, родители пытались выяснить, кто она такая, но в город приезжало столько людей... Горы бумаг. Так легко было что-то потерять.

– Или кого-то.

Филлис вздохнула:

– Поэтому они оставили девочку себе.

– А что еще они могли сделать?

– И позволили ей считать себя их ребенком.

– Одной из нас.

– Пока ей не исполнился двадцать один год, – сказала Филлис. – Тогда папа решил, что Нелл должна узнать правду: что она найденыш и все, что при ней было, – это детский чемоданчик.

Кассандра тихо сидела, пытаясь осознать услышанное. Она обхватила пальцами теплую чашку.

– Наверное, ей было ужасно одиноко.

– В точку, – сказала Дот. – Такой долгий путь – и совсем одна. Неделя за неделей на большом корабле, а потом на ветру на пустой пристани.

– И потом тоже.

– В каком смысле? – нахмурилась Дот.

Кассандра сжала губы. Действительно, в каком смысле? Ее точно волной окатила уверенность в одиночестве бабушки. Словно в тот миг перед ней мелькнула важная сторона Нелл, которой она прежде не знала. Точнее, она внезапно поняла ту сторону Нелл, которую знала очень хорошо: ее замкнутость, независимость, колючий нрав.

– Должно быть, ей стало очень одиноко, когда она поняла, что не та, кем считала себя прежде.

– Да, – удивленно согласилась Филлис. – Признаюсь, я сперва не поняла. Когда Джун все рассказала, я решила, что это ничего не меняет. Почему же Нелл позволила своей жизни так ужасно измениться? Мама и папа искренне любили ее, мы, младшие, обожали свою старшую сестру; она и мечтать не могла о лучшей семье.

Тетка облокотилась на ручку кресла, подперла голову рукой и устало потерла левый висок.

– Однако время шло, и я начала понимать... как обычно. Мы принимаем как должное то, что на самом деле очень важно: семью, кровные узы, прошлое... Все это делает нас теми, кто мы есть. А папа отобрал это у Нелл. Не специально, но отобрал.

– И все же Нелл должно было стать легче оттого, что вы наконец узнали правду, – сказала Кассандра. – Все стало немного проще.

Филлис и Дот обменялись взглядами.

– Вы ведь сказали ей, что узнали?

Филлис нахмурилась:

– Я несколько раз чуть не сказала, но у меня просто не хватило слов, я не могла так поступить с Нелл. Она столько лет не говорила ни одной из нас. Заново построила свою жизнь вокруг тайны, так усердно хранила ее. Казалось... не знаю... почти жестоким обрушить эти

стены. Все равно что второй раз выбить почву у нее из-под ног. – Тетка покачала головой. – Хотя я, наверное, преувеличиваю. Нелл была страшна в гневе, – возможно, у меня просто не хватило смелости.

– Твоя смелость или ее отсутствие здесь ни при чем, – твердо сказала Дот. – Мы все согласились с тем, что так лучше, Филли. Сестра сама так хотела.

– Наверное, ты права, – признала Филлис. – Все равно логичный вопрос. А поводы были, конечно. Например, в тот день, когда Дуг вернул чемодан.

– Незадолго до своей смерти, – объяснила Кассандре Дот, – папа попросил мужа Филли забросить Нелл чемоданчик. Нам, конечно, ни гугу, что за чемоданчик такой. Отец не хуже Нелл умел хранить секреты. Представляешь, сколько лет он его прятал? Все содержимое на месте, совсем как в тот день, когда он ее нашел.

– Забавно, – сказала Филлис. – Едва я увидела чемодан, как вспомнила историю, рассказанную Джун. Я подумала, что это, наверное, тот самый чемоданчик, на котором папа впервые увидел Нелл бог знает сколько лет назад. Но все время, что он лежал в глубине папиной кладовки, мне было на него наплевать. Я не связывала его с Нелл и ее происхождением. Если бы я хоть разочек подумала, то удивилась бы, зачем вообще мама и папа купили такой смешной чемодан. Белая кожа с серебряными пряжками. Крошечный, детского размера...

И хотя Филли продолжила описывать чемоданчик, она могла бы не беспокоиться, потому что Кассандра прекрасно знала, как он выглядит.

Более того, она знала, что в нем лежит.

Глава 5

Брисбен, Австралия, 1976 год

Кассандра поняла, куда они едут, когда на заправке мать опустила окно автомобиля и велела служащему залить полный бак. Мужчина что-то сказал, и мать кокетливо захихикала. Он подмигнул Кассандре и скользнул взглядом по длинным загорелым ногам матери в обрешанных джинсовых шортах. Кассандра привыкла, что мужчины глазают на мать, и ей уже было все равно. Она предпочла отвернуться и подумать о бабушке Нелл, к которой они ехали. Единственной причиной, по которой мать когда-либо заливала в машину бензина больше чем на пять долларов, была часовая поездка по Юго-Восточной автостраде в Брисбен.

Кассандра всегда благоговела перед Нелл. Она видела ее всего пять раз, но бабушка была не из тех, кого легко забыть. Во-первых, она была самой старой из всех, кого знала Кассандра. И не улыбалась, как другие люди, отчего казалась весьма величественной и грозной. Лесли особо не говорила о Нелл. Но как-то раз, когда Кассандра лежала в кровати, а мать ругалась с дружкой, который был еще перед Леном, парень обозвал Нелл ведьмой, и, хотя Кассандра к тому времени уже перестала верить в волшебство, возникший образ остался с ней навсегда.

Нелл действительно была похожа на ведьму. У нее были длинные серебристые волосы, собранные в узел на затылке. Бабушка жила в Паддингтоне, в тесном деревянном доме на склоне холма. Лимонно-желтая краска облезла со стен, а сад разросся. В доме обитали кошки, которые всюду следовали за ней по пятам. Нелл немигающим взглядом смотрела прямо перед собой, словно готовилась наложить заклятие в любую минуту.

Их авто с опущенными окнами промчалось по Логан-роуд. Лесли подпевала радио – передавали новую песню «АББА», которую часто крутили в шоу «Каунтдаун»². Переехав реку Брисбен, они обогнули центр города и закружили по Паддингтону с его грибами-поганками из рифленого железа, врезанными в холмы. За Латроб-террас, после крутого спуска, стоял дом Нелл, где-то в середине улицы.

Лесли резко остановила машину и выключила зажигание. Кассандра медлила какое-то мгновение. Жаркое солнце светило сквозь ветровое стекло, обжигая ноги. Тыльная сторона коленок прилипла к виниловому сиденью. Девочка выпрыгнула из машины вслед за мамой и встала рядом с ней на мостовой, невольно разглядывая высокий, обшитый деревом дом, возвышающийся перед ними.

Сбоку бежала потрескавшаяся бетонная дорожка. Наверху была парадная дверь, но много лет назад кто-то огородил лестницу, закрыв вход, и Лесли сказала, что ни разу не видела, чтобы дверью кто-то пользовался. «Нелл это нравится, – добавила она. – Так никто не зайдет на огонек, думая, что его ждут». Ржавая водосточная труба была такой старой, что даже шаталась. В ее середине красовалась большая дыра, через которую в ливень, должно быть, вытекали целые ведра воды. Однако в тот день дождем и не пахло, теплый бриз создавал лишь легкую музыку ветра.

– Господи, какая вонючая дыра этот Брисбен! – сказала Лесли, качая головой и глядя поверх больших солнечных очков с бронзовым отливом. – Слава богу, я отсюда уехала.

Со стороны дорожки донесся шум. Гладкая светло-коричневая кошка окинула новоприбывших негостеприимным взглядом. Заскрипели петли ворот, послышались шаги. Подле кошки возникла высокая среброволосая фигура. Кассандра затаила дыхание: Нелл. Все равно что встретиться лицом к лицу с героиней собственных фантазий.

---

² «Каунтдаун» – популярное австралийское музыкальное телешоу 1970–1980-х гг.

Они стояли и смотрели друг на друга. Никто ничего не говорил. Кассандру охватило странное чувство, будто она присутствует при загадочном ритуале взрослых, который не вполне понимает. Она удивилась, что все стоят и молчат и никто не делает следующий шаг.

Нелл первая нарушила тишину:

– Мне казалось, ты обещала сначала позвонить.

– Я тоже рада тебя видеть, мама.

– Я как раз разбираю коробки для аукциона. Повсюду вещи, присесть негде.

– Ничего, справимся. – Лесли щелкнула пальцами в сторону Кассандры. – Твоя внучка умирает от жажды, на улице чертовски жарко.

Девочка неловко поежилась и уставилась в землю. Было что-то странное в поведении матери, какая-то нервозность, к которой она не привыкла и не могла объяснить. Кассандра услышала, как бабушка медленно выдохнула.

– Что ж, – сказала Нелл, – тогда вам лучше зайти.

Бабушка не преувеличила размер беспорядка. Пол был усеян скомканными газетами, целыми горами мятых газет. На столе, словно на островке посреди моря газетной бумаги, стояло множество безделушек из фарфора, стекла и хрусталя. «Брикабрак», – подумала Кассандра, с удовольствием припоминая звучное слово.

– Я поставлю чайник, – сказала Лесли, уплывая на кухню.

Нелл и Кассандра остались вдвоем, и пожилая женщина уставилась на девочку в своей обычной загадочной манере.

– Ты подросла, – наконец вымолвила она. – Но все еще слишком тощая.

Это правда, дети в школе часто говорили то же самое.

– Я была такой же тощей, как ты, – добавила Нелл. – Знаешь, как отец называл меня?

Кассандра пожала плечами.

– Везучие ножки. Везучие – потому что не переломились пополам.

Нелл принялась снимать чашки с крючков, прибитых к старомодному шкафчику.

– Чай или кофе?

Шокированная Кассандра покачала головой. Хотя в мае ей исполнилось десять, она все еще была маленькой девочкой и не привыкла, чтобы ей предлагали взрослые напитки.

– Фруктового сока или шипучки у меня нет, – предупредила Нелл, – и вообще ничего такого.

К девочке вернулся дар речи.

– Я люблю молоко.

Нелл моргнула:

– Молоко в холодильнике, я его покупаю для кошек. Бутылка скользкая, так что не урони на пол.

Когда разлили чай, мать велела Кассандре не путаться под ногами. Она сказала, что день слишком ясный и солнечный и нечего девочке сидеть взаперти. Бабушка добавила к этому, что можно поиграть в подвале, но только ничего не трогать. И уж конечно, не заходить в квартиру внизу.

Стояла несусветная австралийская жара, и дни, казалось, следовали друг за другом без промедления. Вентиляторы лишь гоняли туда-сюда горячий воздух, цикады оглушительно стрекотали. Даже дышать было тяжело, оставалось лишь лежать на спине и ждать, пока пройдут январь и февраль, пронесутся мартовские грозы и наконец хлынут первые апрельские дожди.

Но Кассандра не задумывалась об этом. Она была ребенком и обладала детской стойкостью к причудам климата. Девочка закрыла за собой дверь-ширму и пошла по дорожке в задний сад. Цветы красного жасмина облетели и жарились на солнце, черные, высохшие и смор-

ценные. Она ступала по ним туфлями. Ей даже нравилось видеть эти цветочные оспины пятен на светлом бетоне.

Девочка дошла до верхней лужайки, села на железную скамейку и взглянула вниз на сад и ветхий дом, принадлежащие ее необычной бабушке. Она гадала, о чем говорят мать и Нелл, почему они приехали сюда именно сегодня. Но сколько бы Кассандра ни прокручивала эти вопросы в голове, ответы не приходили.

Через какое-то время девочка отвлеклась на сад. Вопросы испарились, и она принялась собирать пузатые стручки недотроги. Черная кошка следила за ней издали, притворяясь равнодушной. Набрав неплохую коллекцию, Кассандра взобралась на нижний сук дерева манго в дальнем углу двора и, осторожно сжимая стручки в руке, начала вскрывать их один за другим. Ей нравилось, как прохладные липкие семена падают сквозь пальцы. Забавно было, когда пустой стручок шлепнулся между лапами кошки. Та встрепенулась и энергично взялась за него, приняв за кузнечика.

Когда все стручки опустели, Кассандра вытерла руки о шорты и окинула взглядом окрестности. По ту сторону провололочной изгороди стояло большое белое прямоугольное здание. Кассандра знала, что это падингтонский театр, хотя в тот момент он был закрыт. Где-то поблизости ее бабушка держит антикварный магазин. Кассандра уже была в нем однажды в один из их неожиданных визитов в Брисбен. Ее оставили с Нелл, пока мать ходила на встречу с кем-то.

В своей лавке бабушка позволила внучке отполировать серебряный чайный сервиз. Кассандре нравился запах полировочной пасты, нравилось смотреть, как тряпочка становится черной, а чайник – блестящим. Нелл даже объяснила часть меток: лев означает серебро, голова леопарда – Лондон, письмо – год изготовления. Совсем как тайный код. На той же неделе, когда они вернулись, Кассандра обыскала свой дом в надежде найти серебро, отполировать и расшифровать его для Лесли. Но ничего не нашла. С тех пор она и не вспоминала, как ей понравилось это занятие.

День тянулся медленно, листья манго начали провисать от жары, а стрекот застревал у сорок в горле. Кассандра отправилась обратно по садовой дорожке. Девочка увидела силуэты мамы и Нелл на тонкой сетке двери – они сидели все там же, – затем продолжила обходить дом. За углом была большая деревянная раздвижная дверь на полозьях, и, когда Кассандра потянула за ручку, дверь открылась, обнаружив прохладное сумрачное пространство под домом.

Темнота так контрастировала с яркой улицей, что казалось, за порогом лежит другой мир. Кассандра задрожала от волнения, когда вошла внутрь. Места было много, но Нелл постаралась заполнить его. Коробки самых разных размеров и форм были сложены от пола до потолка с трех сторон, а к четвертой прислонялись разнообразные окна и двери, некоторые – с разбитыми стеклянными вставками. Единственным свободным местом был дверной проем в середине дальней стены, ведущий в комнату, которую Нелл называла квартирой. Кассандра заглянула внутрь и увидела, что комната размером со спальню. Самодельные полки, тяжелые от старых книг, занимали две стены, в углу стояла раскладная кровать, на которую было накинуто покрывало из лоскутов красного, белого и голубого цветов. Маленькое окошко было единственно возможным источником света, но кто-то неаккуратно заколотил его досками. Кассандра предположила, что это меры, принятые для защиты от грабителей. Хотя она не представляла, на что здесь можно польститься.

Ей ужасно хотелось лечь на кровать, ощутить прохладу лоскутного покрывала разгоряченной кожей. Но Нелл сказала ясно: «Играть внизу можно, а в квартиру заходить нельзя». Кассандра привыкла слушаться. Вместо того чтобы войти внутрь и рухнуть на кровать, она повернула прочь и пошла туда, где какой-то ребенок давным-давно начертил на бетонном полу «классики». Кассандра огляделась в поисках камешка, парочку отвергла, прежде чем остановилась на подходящем, гладком, без зазубренных краев, которые могли бы препятствовать точности попадания.

Девочка кинула камешек – он идеально приземлился в середину первого квадрата – и начала прыгать. Она дошла до номера семь, когда голос бабушки, острый, как стекло, донесся с верхнего этажа.

– Что ты за мать?

– Не хуже, чем ты была!

Кассандра замерла, балансируя на одной ноге посреди квадрата, и прислушалась. Повисло молчание, – по крайней мере, больше ничего не было слышно. Скорее всего, они снова приглушили голоса, вспомнив, что до соседей всего несколько метров. Лен все время напоминал, когда они с Лесли ссорились, что нечего выносить сор из избы. Похоже, им было все равно, что Кассандра слышит каждое слово.

Девочка зашаталась, потеряла равновесие и опустила вторую ногу, всего на долю секунды, и тут же вновь подняла. Даже Трейси Уотерс, которая славилась среди пятиклассниц как самый строгий арбитр игры в «классики», не осудила бы ее и позволила бы продолжить, но Кассандре уже расхотелось играть. Ее смутил тон маминого голоса. К тому же у нее заболел живот.

Девочка отбросила камешек в сторону и вышла из квадратов.

Возвращаться на улицу не хотелось – там было слишком жарко. По большому счету ей хотелось только читать. Забраться в Зачарованный лес по Тридевятиому дереву или вместе с Великолепной пятеркой проникнуть в «Вершину контрабандиста»³. Она так и видела свою книгу рядом с подушкой, там, где оставила ее утром. «Вот дурочка, что не взяла с собой», – услышала она голос Лена, как бывало всегда, когда совершала глупость.

Тогда она вспомнила о полках Нелл, о рядах старых книг в квартире. Разве Нелл будет возражать, если она выберет одну и сядет почитать? Она будет осторожной, ничего не испортит и вернет все на свои места.

В квартире сильно пахло пылью и временем. Кассандра обвела взглядом ряды красных, зеленых, желтых книжных корешков, ожидая, что нужный заголовок бросится в глаза. На третьей полке перед книгами в луче солнечного света вытянулась полосатая кошка. Кассандра только сейчас заметила ее и задумалась, откуда та взялась, как сумела незаметно пробраться в квартиру. Кошка словно почувала, что за ней наблюдают, привстала на передних лапах и окинула Кассандру величественным взглядом. Затем единым плавным движением соскочила на пол и исчезла под кроватью.

Кассандра проследила за ней. Интересно, каково двигаться столь легко и исчезать столь бесследно? Девочка моргнула. А может, и не бесследно. В том месте, где скрылась кошка, показался прямоугольный кусочек чего-то маленького и белого.

Кассандра опустилась на пол, приподняла край покрывала и заглянула под кровать. Там стоял крошечный старый чемоданчик. Крышка была закрыта неплотно, и Кассандра увидела часть того, что хранилось внутри: бумаги, белая ткань, голубая лента.

Решимость овладела ею, внезапно пришло ощущение, что она должна точно узнать содержимое, пусть даже еще больше нарушив запрет Нелл. Замирая от волнения, она выдвинула чемоданчик, откинула крышку и принялась разглядывать вещи.

Серебряная щетка для волос, старая и уж конечно драгоценная, с маленькой головой леопарда (Лондон!), выбитой рядом со щетиной. Хорошенькое белое платьице, из тех старомодных одежек, которые Кассандра никогда не видела, совсем не похожее на те, что носила сама. Одноклассницы высмеяли бы ее, если бы она надела такое. Пачка бумаг, перевязанных

---

³ «Зачарованный лес» – первая из серии книг английской писательницы Энид Блайтон (1897–1968) о волшебном Тридевятиом дереве. «Тайна „Вершины контрабандиста“» (1945) – книга того же автора из серии детских детективов о Великолепной пятерке.

выцветшей голубой лентой. Кассандра легким движением пальцев распустила бант и развела концы ленты, чтобы посмотреть, что внутри.

Рисунок, черно-белый эскиз. Женщина удивительной красоты стояла в садовой арке. Даже не в арке, а в увитом листьями проеме, входе в живой тоннель. «Лабиринт», – внезапно подумала девочка. Странное слово легко всплыло у нее в голове.

Множество маленьких черных штрихов, словно по волшебству, сливались в рисунок. Кассандре стало интересно, каково это: создать подобную вещь. Образ показался удивительно знакомым, и сначала она не поняла отчего. Но потом сообразила: женщина была похожа на героиню детской книжки, на иллюстрацию к старинной волшебной сказке, деву, которая превращается в принцессу, когда прекрасный принц узнает ее в потрепанных лохмотьях.

Кассандра положила эскиз рядом на пол и взялась за остальные бумаги. Там были конверты с письмами и тетрадь, полная линованных страниц, которые кто-то заполнил записями на знакомом языке таким размашистым и витиеватым почерком, что его сложно было прочесть. В конец тетради были вложены буклеты, выданные журнальные страницы, а также фотография мужчины, женщины и маленькой девочки с длинными косами. Кассандра никого из них не узнала.

Под тетрадью она нашла книгу волшебных сказок. Обложка была из зеленого картона с золотыми буквами: «Волшебные сказки для девочек и мальчиков Элизы Мейкпис». Кассандра повторила имя автора, наслаждаясь его таинственным шелестом на губах. Она открыла книгу и внутри, на фронтисписе⁴, увидела еще одно изображение той же женщины, хотя на нем она почему-то казалась другой, менее оживленной и более старомодной. Кассандра открыла первую сказку и перепугала чешуйниц⁵, бросившихся врассыпную. Время выжелтило страницы и обтрепало их края. Бумага была ветхой на ощупь, а когда девочка коснулась загнутого уголка, он чуть осыпался и превратился в пыль.

Кассандра ничего не могла с собой поделать. Она свернулась калачиком на раскладной кровати. Отличное место для чтения, прохладное, тихое и укромное. Девочка всегда пряталась во время чтения, хотя понятия не имела почему. Словно боялась прослыть ленивой или узнать, что столь приятное занятие является вредным.

И все же Кассандра не удержалась. Упала, как в кроличью норку, в полную магии и тайн сказку о принцессе, которая жила со слепой старухой в домике на краю темного леса. Принцесса была куда более храброй, чем она. Кассандра думала, что, даже когда вырастет, не сможет стать такой, как принцесса.

Ей оставалось дочитать всего две страницы, когда шаги наверху вновь привлекли внимание.

Идут.

Она быстро села и перекинула ноги через край кровати на пол. Ей отчаянно хотелось дочитать, узнать, что случилось с принцессой. Но ничего не поделаешь. Девочка разровняла бумаги, затолкала все обратно в чемодан и засунула его под кровать, уничтожив все следы своего непослушания.

Она выскользнула из квартиры, подняла камешек и снова направилась к квадратам «классиков».

Когда мама и Нелл появились в раздвижной двери, Кассандра весьма убедительно изобразила, будто весь день играла в классики. И даже не думала заходить в квартиру.

– Иди сюда, малышка, – сказала Лесли.

---

⁴ *Фронтиспис* – страница с изображением, образующая разворот с лицевой страницей титульного листа, и само это изображение.

⁵ *Чешуйницы* – бескрылые насекомые, живущие во влажных темных местах, питаются, в частности, бумагой и книжными переплетами.

Кассандра смахнула пыль с шортов и недоверчиво подошла к матери, которая обняла ее за плечи.

– Повеселилась?

– Да, – осторожно ответила Кассандра.

Неужели она узнала?

Но мать не сердилась. Совсем наоборот, вид у нее был торжествующий.

Лесли посмотрела на Нелл:

– Я же тебе говорила! Она может сама о себе позаботиться. – Та не ответила, и мама продолжила: – Ты немного побудешь с бабушкой, Касси. Считай это приключением.

Вот так сюрприз; наверное, у мамы есть еще дела в Брисбене.

– А обедом меня покормят?

– Будут кормить каждый день, пока я не вернусь за тобой.

Острые края камешка врезались в кончики пальцев Кассандры. Девочка переводила взгляд с матери на бабушку. Это игра? Мама шутит? Она ждала, что Лесли рассмеется.

Но та не смеялась, а только смотрела на Кассандру широко распахнутыми голубыми глазами.

Кассандра не знала, что и сказать.

– Я не захватила пижаму, – наконец выдавила она.

Ее мать улыбнулась, быстро, широко, с облегчением, и Кассандра поняла, что критический момент миновал.

– Не волнуйся, глупышка. Я собрала тебе сумку, она в машине. Разве могла я тебя забросить без сумки?

Все это время Нелл холодно молчала и смотрела на Лесли, как казалось девочке, с явным неодобрением. Кассандра подумала, что бабушка не хочет, чтобы она оставалась. Лен всегда говорит, что маленькие девочки вечно путаются под ногами.

Лесли поспешила к машине и просунула руку в открытое окно, чтобы достать с заднего сиденья сумку с вещами. Интересно, когда она успела собрать ее и почему не позволила Кассандре сделать это самой?

– Держи, малышка, – сказала мать, кидая сумку дочери. – Там для тебя сюрприз: новое платье. Лен помог мне выбрать его.

Она выпрямилась и обратилась к Нелл:

– Всего неделя или две, я обещаю. Вот только выясним отношения с Леном. – Лесли взъерошила Кассандре волосы. – Твоя бабушка очень хочет, чтобы ты пожила с ней. Настоящие, классные летние каникулы в большом городе. Потом будет что рассказать в школе.

Нелл улыбнулась, но невесело. Кассандра заметила, что бабушка часто так улыбается. Как и она сама, когда мать обещает что-нибудь очень желанное, но невозможное.

Лесли чмокнула ее в щеку, сжала ладошку дочери и испарилась прежде, чем Кассандра успела обнять ее, пожелать приятного пути и спросить, когда именно она вернется.

Позже Нелл приготовила ужин: жирные свиные сосиски, картофельное пюре и мягкий горошек из банки, и они поели в узкой комнате рядом с кухней. На окнах в доме бабушки не было москитных сеток, как в жилище Лена на Берли-Бич, вместо них на подоконнике лежала пластмассовая мухобойка. Нелл не давала спуску комарам или мухам. Ее атаки были такими стремительными и меткими, что кошка, дремавшая на коленях, не успевала пошевелиться.

Пока они ели, низкий вентилятор, стоявший на холодильнике, гонял туда-сюда плотный влажный воздух; Кассандра отвечала на редкие бабушкины вопросы как можно вежливее, пока попытка ужином не закончилась. Девочка помогла вытереть посуду, затем Нелл отвела ее в ванную и пустила чуть теплую воду.

– Хуже холодной ванны зимой, – сухо заметила Нелл, – только горячая ванна летом.

Она вынула коричневое полотенце из шкафа и положила его на бачок унитаза.
– Выключи воду, когда дойдет до этой линии.

Нелл указала на трещину в зеленом фаянсе и выпрямилась, поправляя платье.
– Ну как, справишься? – спросила она.

Кассандра кивнула и улыбнулась. Она надеялась, что отвечала на вопросы верно, со взрослыми не всегда угадаешь. Девочка знала, что обычно им не нравится, когда дети проявляют свои чувства, по крайней мере дурные. Лен часто напоминал Кассандре, что хорошие дети должны улыбаться и учиться держать свои черные мысли при себе. Однако Нелл не такая. Кассандра интуитивно почувствовала, что бабушка живет по другим правилам. И все же лучше не рисковать.

Потому она и не упомянула о зубной щетке, точнее, ее отсутствии. Лесли всегда забывала подобные вещи, когда они проводили время вне дома, и Кассандра знала, что за неделю-другую ничего страшного с зубами не случится. Девочка скрутила волосы в узел и завязала их на макушке резинкой. Дома она надевала мамину шапочку для душа, но сомневалась, есть ли такая у Нелл, а спрашивать не хотела. Она забралась в ванну и уселась в прохладную воду, сжав колени и закрыв глаза. Кассандра слушала плеск воды о стенки ванны, гул электрической лампочки и писк комара где-то над ухом.

Девочка довольно долго так сидела и неохотно вылезла, только когда поняла, что, если еще помедлить, Нелл может прийти за ней. Вытерлась, аккуратно повесила полотенце на стойку душа, выровняла края и облачилась в пижаму.

Она нашла Нелл в застекленной комнате. Бабушка заправляла кушетку простынями и одеялом.

– Здесь обычно не спят, – сказала Нелл, взбивая подушку. – Матраса все равно что нет, а пружины жестковаты, но ты же маленькая беспризорница. Тебе будет удобно.

Кассандра серьезно кивнула:

– Я ненадолго. Всего на неделю или две, пока мама и Лен не выяснят отношения.

Нелл угрюмо улыбнулась. Она редко это делала, и мышцы вокруг ее рта напряглись. Она оглядела комнату, затем снова посмотрела на Кассандру:

– Что-нибудь еще нужно? Стакан воды? Лампу?

Кассандре хотелось спросить, нет ли у Нелл запасной зубной щетки, но слова застредали в горле. Так что она просто отрицательно покачала головой.

– Тогда прыгай в кровать, – сказала Нелл, отгибая угол одеяла.

Кассандра послушно скользнула на кровать, и Нелл подоткнула простыни. Они оказались неожиданно мягкими, приятно затертыми, с незнакомым, но чистым запахом.

Нелл помедлила.

– Ну ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Свет погас, и Кассандра осталась одна.

В темноте незнакомые звуки стали громче: машины на далеком горном склоне, телевизор в одном из соседних домов, шаги Нелл в другой комнате. За окном ветер громко играл свою музыку, и Кассандра почувствовала вдруг, что в воздухе пахнет эвкалиптом и гудроном. Надвигалась гроза.

Девочка съезжилась под покрывалами. Она не любила грозу за непредсказуемость. Хорошо бы гроза рассеялась, не успев по-настоящему разразиться. Она заключила с собой пари: если успеет сосчитать до десяти, прежде чем следующая машина прогудит на соседнем холме, все будет хорошо, гроза закончится быстро и мама заберет ее через неделю.

Раз. Два. Три... Она не жульничает, не спешит... Четыре. Пять. Пока ничего, половина уже позади... Шесть. Семь... Дыхание учащается, машин по-прежнему нет, почти в безопасности... Восемь...

Внезапно ее осенило: в сумке есть карманы! Мама не забыла, она просто сунула щетку в карман, так надежнее.

Кассандра выскользнула из кровати, когда порыв ветра ударил в оконное стекло, и пошла на цыпочках по полу, неожиданно холодному под босыми ногами – в щелях между досками гуляли сквозняки.

В небе над домом зловеще громыхнуло, затем оно эффектно озарилось. Небо казалось опасным, напоминало Кассандре о ненастье в волшебной сказке, которую она читала днем. Там страшная буря гналась за маленькой принцессой до самого домика старухи.

Кассандра опустила на колени, роясь в одном кармане за другим, надеясь нащупать знакомые очертания зубной щетки.

Начали падать крупные капли дождя, они громко застучали по рифленой железной крыше. Сначала редко, затем все чаще, пока не слились в единый гул.

Может, проверить карманы еще раз? Щетка очень маленькая, могла провалиться внутрь, так что она ее не заметила. Девочка глубоко засунула руки, доставая из сумки все подряд, так, на всякий случай. Щетки не было.

Кассандра заткнула уши, когда очередной раскат грома сотряс дом. Она встала, прижала руки к груди, смутно сознавая собственную худобу и нелогичность всех этих поисков, побежала к кровати и забралась под покрывало.

Дождь лил с отвесов крыши, ручьями бежал по окнам, хлестал из провисших водосточных желобов, которые не ожидали такого натиска.

Кассандра тихо лежала под покрывалом, обхватив себя руками. Несмотря на теплый сырой воздух, по ее плечам бежали мурашки. Она знала, что должна постараться уснуть, чтобы утром не быть усталой и раздражительной. Кому приятно жить с брызгой?

Но как она ни старалась, сон не шел. Она считала овец, про себя напевала песенки о желтых подводных лодках, лимонах и апельсинах, о заморских садах, рассказывала себе волшебные сказки. И все же ночь, казалось, будет длиться вечно.

Вспыхнула молния, хлынул дождь, гром разорвал небо, и Кассандра заплакала. Слезы, которые только ждали случая, хлынули под темной завесой дождя.

Сколько времени прошло, прежде чем она заметила тень в дверном проеме? Минута? Десять?

Кассандра подавилась всхлипом, удерживая его, пока горло не запылало огнем.

Послышался шепот и голос Нелл:

– Я пришла проверить, закрыто ли окно.

В темноте Кассандра затаила дыхание, вытирая глаза уголком простыни.

Нелл приблизилась, Кассандра ощутила странную энергию, которая возникает, когда другой человек стоит рядом, но не касается тебя.

– Что случилось?

Горло Кассандры по-прежнему отказывалось пропускать слова.

– Дело в грозе? Ты напугана?

Кассандра покачала головой.

Нелл чопорно села на край кушетки, ее сорочка натянулась. Еще одна вспышка молнии – и Кассандра увидела лицо бабушки, узнала мамины глаза с чуть опущенными уголками.

Всхлип наконец вырвался.

– Зубная щетка, – проговорила Кассандра сквозь слезы. – У меня нет зубной щетки.

Нелл мгновение изумленно глядела на нее, а затем обняла. Девочка сперва вздрогнула от внезапности, неожиданности жеста, но тут же обмякла. Она наклонилась вперед, опустила

голову на мягкую, пахнущую лавандой Нелл, плечи девочки дрожали, а теплые слезы лились на бабушкину ночную рубашку.

– Ну же, ну же, – шептала Нелл, глядя Кассандру по волосам. – Успокойся. Мы найдем тебе другую.

Она повернула голову, посмотрела на дождь, заливавший окна, и прижалась щекой к макушке Кассандры.

– Ты справишься, слышишь? У тебя все будет хорошо. Все будет хорошо, – добавила бабушка.

И хотя Кассандра не могла поверить, что когда-нибудь все будет хорошо, ей все же стало легче от слов Нелл. Что-то в бабушкином голосе подсказывало, что Кассандра не одна, что Нелл понимает, как ужасна ночь наедине с грозой, в незнакомом месте.

Глава 6

Мэриборо, Австралия, 1913 год

Хотя он поздно вернулся из порта, похлебка была еще теплой. Лил, храни ее Боже, не из тех, кто кормит мужа остывшей едой. Хеймиш вылил в рот последнюю ложку супа и откинулся на спинку стула, почесывая шею. Над рекой и городом прокатился далекий гром. Еле уловимый сквозняк поколебал свет лампы, выманивая из углов комнатные тени. Хеймиш проследил за ними взглядом: они прыгали по столу, вдоль стен, по двери. Мрак и свет поочередно танцевали на коже блестящего белого чемоданчика.

Потерянные чемоданы – обычное дело. Но маленькая девочка? Как мог ребенок оказаться на пристани один-одинешенек? И насколько он успел разглядеть, прелестный ребенок. Очаровательная мордашка, рыжеватые светлые волосы, точно золотая пряжа, и синие-пресиние глаза. А смотрит так, будто внимательно слушает и понимает все, о чем ты говоришь, и все, о чем молчишь.

Дверь на веранду открылась, и в воздухе образовались мягкие знакомые очертания Лил. Она осторожно закрыла за собой дверь и пошла по коридору. Лил попыталась забрать надоедливую прядь за ухо, но непокорный локон снова прыгнул на место. Хеймиш наблюдал этот жест с момента их знакомства.

– Она уснула, – сказала Лил, когда дошла до кухни. – Боялась грома, но все же задремала. Бедный ягненок до смерти устал.

Хейм отнес миску к скамье и опустил в теплую воду.

– Ничего удивительного, я и сам устал.

– По тебе видно. Давай лучше я вымою.

– Ничего, я справлюсь, любимая. Иди, я скоро.

Но Лил не ушла. Он чувствовал ее спиной, понимал, как учатся понимать с опытом, что она хочет что-то добавить. Ее невысказанные слова висели в воздухе. У Хеймиша заныла шея. Волна предыдущих разговоров откатилась и мгновение помедлила, готовясь вновь нахлынуть. Прозвучавший наконец голос Лил был тих:

– Не надо со мной цацкаться, Хейм.

Он вздохнул:

– Я знаю.

– Я справлюсь. Не впервой.

– Конечно справишься.

– Вот только не надо держать меня за инвалида.

– Я не держу, Лил.

Он повернулся к жене лицом и увидел, что она стоит у дальнего края стола, опустив руки на спинку стула. Он понимал, что ее поза говорит: «я выстою», «все как прежде». Но Хеймиш слишком хорошо знал жену, знал, что ей больно. Знал и то, что он, черт побери, ничего не может исправить. Как любит повторять доктор Хантли, век живи, век надейся. Но легче от его слов не становится ни Лил, ни ему.

Она уже стояла рядом с ним, мягко отодвигая его бедром. От кожи Лил сладко и грустно пахло молоком.

– Иди ложись, – сказала она. – Я скоро.

От ее наигранной веселости у Хеймиша кровь застыла в жилах, но он подчинился.

Жена не обманула, долго не задержалась, и он смотрел, как она смывает с кожи дневную усталость, надевает через голову ночную рубашку. Хотя Лил стояла спиной, Хеймиш чувствовал, как осторожно она расправляет ткань на груди, на все еще раздутом животе.

Она подняла глаза и поймала его за разглядыванием. С лица мигом исчезла беззащитность, Лил приняла оборонительную позицию.

– Что?

– Ничего.

Он сосредоточился на руках, на мозолях и ожогах от веревки, приобретенных за портовые годы.

– Я только думал о малышке на веранде, – сказал он. – Интересно, кто она? Так и не назвала своего имени?

– Говорит, что не знает. Сколько бы я ни спрашивала, только смотрит в ответ, ужасно серьезная, и говорит, что не помнит.

– Как по-твоему, она врет? Некоторые безбилетники чертовски хорошо врут.

– Хейм, – возмутилась Лил. – Она не безбилетник, она еще совсем крошка.

– Не злись, любимая. Я только спросил. – Он покачал головой. – Нелегко поверить, что она могла все забыть.

– Я уже слышала о таком, называется амнезия. Отец Рут Хафпенни получил ее, когда упал в шахту. Она бывает от падений и всякого такого.

– Думаешь, она могла упасть?

– Синяков я на ней не нашла, но ведь всякое бывает.

– Ладно, – сказал Хейм. Вспышка молнии озарила углы комнаты. – Завтра подумаю.

Он сменил позу, лег на спину и уставился в потолок.

– Она не может быть ничьей, – тихо добавил он.

– Да. – Лил потушила лампу, погрузив комнату в темноту. – Наверное, кому-то ее ужасно не хватает.

Она перекатилась на другой бок, как и каждую ночь, повернулась к Хеймишу спиной, отделив его от своего горя. Сквозь простыню ее голос звучал глуше.

– Но я вот что скажу: они ее не заслуживают. Ужасная беспечность, как можно потерять дитя?

Лил смотрела через окно: на заднем дворе две маленькие девочки бегали туда-сюда под веревкой с бельем и смеялись, когда прохладные влажные простыни шлепали их по лицам. Они снова пели очередную песенку Нелл. Песни – единственное, что не ускользнуло из ее памяти, она знала их множество.

Нелл. Так ее теперь называли, в честь мамы Лил, Элеоноры. Надо же было ее как-то называть? Забавная крошка по-прежнему не могла сказать своего имени. Сколько бы Лил ни спрашивала, она лишь широко распахивала большие синие глаза и говорила, что не помнит.

После первых нескольких недель Лил перестала задавать ребенку этот вопрос. По правде говоря, она была даже рада, что девочка забыла, как ее зовут. Лил не хотела представлять Нелл с другим именем, не с тем, что они дали ей. Нелл. Оно так хорошо подходило ей, любой подтвердил бы. Почти как если бы девочка родилась с ним.

Они и так приложили все силы, чтобы узнать, кто и откуда этот ребенок. Невозможно требовать большего. И хотя сперва Лил говорила себе, что заботится о Нелл временно и приютила ее, пока не объявятся настоящие мама и папа, с каждым новым днем женщина все больше убеждалась, что никаких родных у ребенка не существует.

Жизнь всех троих потекла легко и просто. После семейного завтрака Хеймиш уходил на работу, а они с Нелл занимались домом. Лил обнаружила, что ей нравится иметь за собой маленький хвостик, нравится показывать девочке разные вещи и объяснять, как они работают. Нелл была настоящей почемучкой. Она спрашивала, почему солнце прячется ночью, почему языки пламени не выскакивают из камина, почему реке не скучно все время течь по одному и

тому же руслу, а Лил нравилось давать ответы, смотреть, как личико Нелл светлеет от объяснений. Впервые женщина считала себя полезной и нужной, а свою жизнь – более наполненной.

С Хеймишем тоже наладилось. Напряжение, которое в последние несколько лет возникло между ними, начало спадать. Они перестали быть подчеркнуто вежливыми, спотыкаться о старательно подобранные слова, словно два незнакомца, вынужденно живущие вместе. Они даже начали иногда снова смеяться, непринужденно, как смеялись прежде.

Что до Нелл, то она нырнула в жизнь с Хеймом и Лил, точно утка в Мэри-ривер. Соседские дети быстро развели, что в округе появилась новенькая, и Нелл была вне себя от счастья, получив возможность играть с другими детьми. Маленькая Бет Ривс теперь каждый день прибегала к забору. Лил нравилось слушать, как две девочки играют вместе. Она каждый раз ждала, предвкушала миг, когда тоненькие голоса завизжат и засмеются на ее дворе.

Нелл была невероятной фантазеркой. Лил часто слышала, как она описывает долгие и запутанные ролевые игры. Ровный открытый двор становился в воображении Нелл волшебным лесом с колючими кустами и лабиринтами и даже с домиком на краю пропасти. Лил узнавала в описаниях Нелл места из детской книги волшебных сказок, которую они нашли в белом чемодане. Лил и Хейм по очереди читали ее девочке на ночь. Сказки сначала казались Лил слишком страшными, но Хейм убедил ее в обратном. Нелл также ничуть не выглядела напуганной.

Со своего места у кухонного окна Лил видела, что в эти истории и играют дети. Бет слушала, широко распахнув глаза, а Нелл вела ее по воображаемому лабиринту, порхая вокруг в белом платье. Солнечные лучи превратили ее длинные рыжие косы в золото.

Нелл будет скучать по Бет, когда они переедут в Брисбен, но, несомненно, заведет новых друзей. С детьми всегда так. Переезд стал очень важен для них. Лил и Хейм не могли вечно говорить всем вокруг, что Нелл – их племянница с севера. Рано или поздно соседи начнут недоумевать, почему девочка не едет домой, и интересоваться, сколько еще она будет жить в их семье.

Нет, Лил все было ясно. Они втроем должны начать жизнь с чистого листа, где-нибудь, где их не знают. В большом городе, где люди не задают лишних вопросов.

Глава 7

Брисбен, Австралия, 2005 год

Брезжило утро ранней весны, Нелл умерла ровно неделю назад. Свежий ветер шелестел по кустам, ворошил листья, так что их бледные изнанки переворачивались навстречу солнцу, подобно детям, которые, внезапно оказавшись в центре внимания, разрываются между робостью и удовольствием.

Чай в кружке Кассандры давно остыл. После последнего глотка она поставила ее на бетонный карниз и забыла. Артели деловитых муравьев, чей путь был прегражден, пришлось предпринять обходной маневр: вверх по краю кружки и через ручку на другую сторону.

Но Кассандра их не замечала. Сидя на шатком стуле на заднем дворе рядом со старой прачечной, она внимательно изучала заднюю стену дома. Не мешало бы покрасить. Трудно поверить, что прошло уже пять лет с последнего ремонта. Специалисты считают, что обшитый досками дом надо красить заново каждые семь лет. Нелл не разделяла этих убеждений. За все время жизни с бабушкой Кассандра ни разу не видела, чтобы дом покрасили целиком. Нелл любила говорить, что нечего тратить кучу денег на то, чтобы соседям нравился вид из окон.

Задняя стена, однако, совсем другое дело. По словам Нелл, лишь ее никто, кроме них, не видит. Так что пока передняя и боковые стены шелушились под палящим квинслендским солнцем, задняя являлась олицетворением красоты. Каждые пять лет доставались палитры красок, масса времени и беспокойства уходила на обсуждение достоинств нового цвета. Пока Кассандра жила здесь, стена успела побывать бирюзовой, лиловой, ярко-красной, аквамаариновой. Однажды на ней даже появилось что-то вроде фрески, хоть и несанкционированной...

Кассандре было девятнадцать, и жизнь улыбалась ей. Она училась на втором курсе художественного колледжа, ее спальня превратилась в мастерскую, так что каждый вечер приходилось пролезать к кровати через мольберт. Она мечтала переехать в Мельбурн, чтобы изучать историю искусств.

Бабушка не одобряла этот план.

– Ты можешь изучать историю искусств и в Квинслендском университете, – говорила она всякий раз, когда поднималась эта тема. – Незачем тащиться на юг.

– Я не могу вечно жить дома, Нелл.

– А никто тебя и не просит. Просто подожди немного, сперва встань на ноги.

Кассандра указала на свои ноги, обутые в «доки».

– Уже стою.

Нелл даже не улыбнулась.

– Мельбурн – дорогой город, и я не могу себе позволить платить за то, чтобы ты снимала там жилье.

– Я собираю стаканы в «Паддо тав» вовсе не для забавы, ты же знаешь.

– Ха, они столько платят, что о Мельбурне можешь еще лет десять не думать.

– Ты права.

Нелл вздернула подбородок и подозрительно выгнула бровь, гадая, с чем связана эта внезапная капитуляция.

– Мне никогда самой не накопить столько денег. – Кассандра прикусила губу, пряча заискивающую улыбку. – Вот бы кто-нибудь дал мне взаймы! Кто-нибудь, кто любит меня и хочет, чтобы я следовала за мечтой...

Нелл подняла коробку фарфора, который собиралась отнести в антикварный центр.

– Я не намерена стоять и ждать, пока ты загонишь меня в угол, девочка.

Кассандра нащупала долгожданную брешь в некогда однозначном отказе.

– Поговорим об этом позже?

Бабушка закатила глаза к потолку.

– Боюсь, что да. И снова, и снова, и снова.

Нелл шумно вздохнула, давая понять, что тема закрыта, по крайней мере пока.

– Ты все приготовила для задней стены? – спросила она внучку.

– Проверь.

– Не забывай красить доски новой кистью. Я не желаю следующие пять лет смотреть на остатки щетины на моей стене.

– Да, Нелл. Я уточню на всякий случай: надо ли макать кисть в краску, прежде чем красить доски?

– Бесстыжая девчонка!

В тот день, как только Нелл вернулась из антикварного центра, она сразу завернула за угол дома и замерла как вкопанная, обозревая новый блестящий покров стены.

Кассандра отступила в ожидании и сжала губы, чтобы не рассмеяться.

Ярко-красный был изумителен, но бабушка смотрела на черную деталь, которую девушка добавила в дальнем углу. Сходство было потрясающим: Нелл сидела на своем любимом стуле и держала в воздухе чашку исходящего паром чая.

– Кажется, я загнала тебя в угол, Нелл. Я не специально, просто увлеклась.

Лицо Нелл было непроницаемым.

– Я собираюсь нарисовать себя рядом с тобой. Так ты не забудешь, что мы вместе, даже когда я буду в Мельбурне.

И тогда губы Нелл чуть дрогнули. Она покачала головой, поставила на пол коробку, которую принесла из лавки обратно, и вздохнула.

– Ты бесстыжая девчонка, это точно, – сказала бабушка.

Она против воли улыбнулась и обхватила ладонями лицо Кассандры.

– Но ты моя бесстыжая девчонка, и другой мне не надо...

Послышался шум – и воспоминания растворились, точно дым, изгнанные более ярким и громким настоящим. Кассандра моргнула и вытерла глаза. Высоко над головой гудел самолет, белая точка в голубом небе. Невозможно представить, что внутри его люди: говорят, смеются, едят. Некоторые из них смотрят вниз, как она смотрит вверх.

Опять послышался шум, ближе. Шаркающие шаги.

– Здравствуй, девочка.

Знакомая фигура вышла из-за угла дома и мгновение постояла, переводя дыхание. Бен когда-то был высоким. Но время лепит из людей фигуры, в которых они сами себя не узнают, и сейчас он обладал телом садового гнома. Его волосы были белыми, борода жесткой, а уши необъяснимо красными.

Кассандра улыбнулась, искренне радуясь его приходу. Нелл не была особо дружелюбной и никогда не скрывала своей неприязни к большинству людей, к их навязчивому поиску союзников. Но с Беном они одинаково смотрели на мир. Он тоже торговал в антикварном центре. После смерти жены бывший адвокат превратил хобби в работу. К тому же в фирме ненавязчиво намекнули, не пора ли на пенсию, а приобретенная подержанная мебель грозила вытеснить его из дома.

Пока Кассандра росла, он был для нее кем-то вроде отца, давал мудрые советы, которые она ценила, одновременно пренебрегая ими. Но после того, как она вернулась и поселилась с Нелл, он стал и ее другом тоже.

Бен вытащил поблекшее кресло скваттера⁶ из-за бетонной бадьи для стирки и осторожно сел. Колени он повредил еще юношей, на Второй мировой, и имел с ними немало проблем, что особенно чувствовалось при перемене погоды.

---

⁶ Кресло скваттера (австрал.) – обтянутое полотном кресло с широкими подлокотниками и площадкой для ног.

Бен подмигнул поверх оправы круглых очков.

– Красиво. Отличное место, приятное и уединенное.

– Это было место Нелл.

Собственный голос показался ей чужим, она задумалась, когда в последний раз с кем-нибудь говорила. И поняла, что за ужином у Филлис неделю назад.

– Точно. Она лучше других знала, где удобнее расположиться.

Кассандра улыбнулась:

– Чашечку чая?

– Можно.

Она вошла через заднюю дверь на кухню и поставила чайник. Вода еще не остыла после того, как она ее вскипятила.

– Ну, как твои дела?

Кассандра пожала плечами:

– Все нормально.

Она вернулась и села на бетонную ступеньку рядом с его стулом.

Бен сжал бледные губы, чуть улыбнулся, отчего его усы переплелись с бородой.

– Твоя мама появилась?

– Прислала открытку.

– Что ж...

– Сказала, что хотела бы заехать, но у них с Леном столько хлопот. Кaleb и Мария...

– Конечно. От подростков одни хлопоты.

– Они больше не подростки. Марии только что исполнился двадцать один.

Бен присвистнул:

– Время летит.

В этот момент запищал чайник.

Кассандра вернулась в дом и опустила пакетик чая в кипяток, глядя, как вода окрашивается в коричневый цвет. Забавно, что Лесли на второй раз оказалась добросовестной матерью. Все-таки в жизни все должно быть вовремя.

Кассандра подлила немного молока, рассеянно размышляя, не скисло ли оно. Когда она его купила? Видимо, еще до смерти Нелл. На этикетке стояло 14 сентября. А сегодня какое? Она не знала. Пахнет нормально. Она вынесла кружку и протянула ее Бену.

– Извини... Молоко...

Он отпил.

– Лучший чай за весь день.

Кассандра села, и Бен мгновение сверлил ее взглядом, словно собираясь что-то сказать. Но передумал. Затем прочистил горло.

– Касс, я пришел по официальному делу, не только пообщаться.

То, что за смертью последовало официальное дело, вполне естественно, и все же она была удивлена, захвачена врасплох.

– Нелл заставила меня составить для нее завещание. Ты же знаешь, какой она была. Сказала, что не потерпит, если придется доверить свои личные дела чужому человеку.

Кассандра кивнула. Похоже на Нелл.

Бен вытащил конверт из внутреннего кармана пиджака. Время сгладило его углы и превратило из белого в кремовый.

– Она его не вчера составила. – Он сощурился, глядя на конверт. – В тысяча девятьсот восемьдесят первом, если быть точным.

Старик умолк, словно ожидая, не заполнит ли Кассандра паузу. Она ничего не сказала, и Бен продолжил:

– В основном все довольно просто.

Он вынул содержимое конверта, не смотря на него, и наклонился вперед, уперев локти в колени. Завещание Нелл шелестело в его правой руке.

– Бабушка все оставила тебе, Касс.

Она не была удивлена. Тронута, быть может, и внезапно пронзительно одинока, но не удивлена. А кому же еще? Уж точно не Лесли. Кассандра давно перестала винить мать, а вот бабушка не умела прощать. «Бросить ребенка – поступок столь равнодушный и столь легкомысленный, что не заслуживает прощения», – однажды сказала Нелл, когда думала, что Кассандра ее не слышит.

– В том числе, разумеется, дом и деньги на сберегательном счете. Весь антиквариат, – продолжил Бен.

Он помедлил, разглядывая Кассандру, словно оценивал ее готовность к тому, что последует.

– И еще кое-что. – Старик взглянул на бумаги. – В прошлом году, после того как твоей бабушке поставили диагноз, она попросила меня зайти на чай однажды утром.

Кассандра вспомнила, как в один из дней, когда она принесла завтрак, Нелл сказала ей, что пришел Бен и у них разговор с глазу на глаз. Она дала Кассандре задание внести в каталог несколько книг из антикварного центра, хотя уже много лет не принимала активного участия в торговле.

– Нелл кое-что дала мне в тот день, – сказал Бен. – Запечатанный конверт. Просила, чтобы положил вместе с ее завещанием и открыл только... когда... – Он сжал губы. – Ну, сама знаешь.

Кассандра чуть поежилась, внезапный холодок пробежал по ее спине.

Бен махнул рукой, бумаги разлетелись, но он не произнес ни слова.

– Что это? – спросила Кассандра, знакомый ком тревоги тяжело сдавил грудь. – Скажи мне, Бен. Я справлюсь.

Старик, удивленный ее тоном, поднял взгляд и рассмеялся, отчего та смутилась окончательно.

– Не надо так переживать, Касс, ничего страшного. Совсем наоборот. – Он мгновение помедлил. – Скорее загадка, чем беда.

Кассандра выдохнула. Намеки Бена на тайну не слишком уменьшили ее беспокойство.

– Я сделал, как сказала Нелл. Отложил конверт и не открывал до вчерашнего дня. И чуть не рухнул, когда увидел. – Он улыбнулся. – Внутри лежали документы на другой дом.

– Какой дом?

– Дом Нелл.

– У Нелл нет другого дома.

– Похоже, есть или был. И теперь он твой.

Кассандра не любила сюрпризы за их непредсказуемость. Когда-то она узнала, каково это – пасовать перед неожиданным. И теперь хватило намек, чтобы ее окатила волна внезапного страха. Ее тело само реагировало на перемены. Кассандра подняла иссушенный временем лист, лежавший рядом, сложила его пополам и еще раз пополам, размышляя.

Нелл не упоминала о другом доме ни разу за все время, что они жили вместе, пока Кассандра росла и после ее возвращения. Почему? Почему она хранила его в секрете? И зачем другой дом был нужен ее бабушке? Как инвестиция? Кассандра слышала в кафе на Латроубтеррас разговоры о росте цен на недвижимость, инвестиционных портфелях. Но Нелл? Она всегда высмеивала яппи из городского центра, которые выкладывали небольшие состояния за крошечные деревянные коттеджи Паддингтона.

Кроме того, Нелл давным-давно достигла пенсионного возраста. Если этот дом – инвестиция, почему она не продала его и не жила на вырученные деньги? Торговать антиквариатом приятно, но в наше время не слишком выгодно. Нелл и Кассандра зарабатывали на необходи-

мое, но и только. Бывали времена, когда деньги пришлось бы очень кстати, но Нелл и словом не обмолвилась.

– Этот дом, – наконец спросила Кассандра, – где он? Недалеко?

Бен покачал головой, озадаченно улыбаясь.

– В том-то и фокус. Другой дом в Англии.

– В Англии?

– В Великобритании, в Европе, на другом конце света.

– Я знаю, где находится Англия.

– Если точнее, в Корнуолле, в деревушке под названием Тредженна. Я только бегло просмотрел бумаги, но он обозначен как Клифф-коттедж. Судя по адресу, когда-то он был частью более крупного деревенского поместья. Я могу разузнать, если хочешь.

– Но почему она... Как она могла?.. – выдохнула Кассандра. – Когда она купила его?

– Печати на бумагах поставлены двадцать шестого октября тысяча девятьсот семьдесят пятого года.

Кассандра скрестила руки на груди:

– Нелл даже не бывала в Англии.

На этот раз удивился Бен:

– Отчего же, бывала. Она отправилась в поездку по Великобритании в середине семидесятых. Она никогда не упоминала об этом?

Кассандра медленно покачала головой.

– Я помню, как она уехала. К тому моменту мы знали друг друга совсем недолго. До твоего появления на свет оставалось несколько месяцев. Она тогда еще держала магазинчик рядом со Стаффорд-стрит. Я купил у нее несколько предметов, и мы познакомились, хотя друзьями стали не сразу. Она уехала как раз через месяц. Я помню, потому что зарезервировал кедровый письменный стол перед самым ее отъездом, подарок жене на день рождения. По крайней мере, он должен был им стать, но так ничего и не вышло. Каждый раз, когда я приходил его забрать, магазин был закрыт. Ясное дело, я злился. Дженис исполнялось пятьдесят, и стол был великолепен. Когда я давал задаток, Нелл не упомянула, что собирается в отпуск. Напротив, она специально оговорила условия и дала понять, что ожидает еженедельных платежей и что я должен забрать стол в течение месяца. Она сказала, что у нее не склад и для новых товаров нужно будет место.

Кассандра улыбнулась: весьма в духе Нелл.

– Твоя бабушка была на редкость настойчива, вот почему так странно, что ее не было столько времени. Уняв первый гнев, я начал сильно волноваться. Даже думал вызвать полицию. – Бен махнул рукой. – Как выяснилось, не стоило. В четвертый или пятый визит я наткнулся на соседку, которая забирала почту Нелл. Она сказала мне, что Нелл в Великобритании, но очень возмутилась, когда я начал расспрашивать, почему она уехала так внезапно и когда вернется. Соседка сказала, что только выполняет просьбу и ничего больше не знает. Так что я продолжил заглядывать, день рождения жены наступил и прошел, а потом как-то раз магазин оказался открыт, Нелл вернулась домой.

– И она купила коттедж, пока была в отъезде.

– Очевидно.

Кассандра плотнее завернулась в кардиган. Бессмыслица какая-то. Зачем бабушка ни с того ни с сего отправилась в отпуск и купила дом, чтобы никогда в него не вернуться?

– Нелл никогда об этом не говорила? – спросила она.

Бен поднял брови:

– О чем ты? Нелл была не из тех, кто охотно делится секретами.

– Но вы с ней были так близки! Наверняка она могла разочек упомянуть о доме.

Бен качал головой, но Кассандра настаивала:

– Когда бабушка вернулась и когда ты наконец забрал письменный стол, разве ты не спросил ее, почему она уехала так внезапно?

– Разумеется, спросил, и не один раз за эти годы. Я чувствовал, что поездка важна. Видишь ли, она стала другой, когда вернулась.

– В смысле?

– Более рассеянной, загадочной. Уверен, дело не только в том, что я сужу задним числом. Через пару месяцев после ее возвращения я был как никогда близок к тому, чтобы узнать. Я заглянул к ней в магазин, и как раз пришло письмо со штемпелем Бодмина. Я зашел одновременно с почтальоном, так что забрал для нее почту. Она пыталась вести себя как обычно, но я уже начал узнавать ее ближе. Нелл разволновалась, получив письмо, извинилась и оставила меня при первой же возможности.

– Что это было за письмо? От кого?

– Должен признать, любопытство меня одолело. Я не осмелился заглянуть в письмо, но позже перевернул конверт, когда увидел его на столе, просто чтобы посмотреть отправителя. Я запомнил адрес на обороте и попросил старого коллегу в Великобритании проверить его для меня. Адрес принадлежал детективу.

– Сыщику?

Бен кивнул.

– Они и правда существуют? – удивилась Кассандра.

– А то!

– Но зачем Нелл понадобился английский сыщик?

Бен пожал плечами:

– Не знаю. Думаю, она пыталась докопаться до разгадки какой-то тайны. Я некоторое время делал намеки, пытаясь разговорить ее, но все без толку. Так что я оставил эти попытки. Я решил, что Нелл имеет право на свои секреты и расскажет мне, если захочет. По правде говоря, мне все еще было стыдно за то, что я начал вынюхивать. – Старик покачал головой и продолжил: – Говоря откровенно, мне нравится узнавать правду. Я немало ломал голову над тем письмом, а это, – он помахал документами, – только подогрело мое любопытство. Даже сейчас твоя бабушка обладает удивительной способностью ставить меня в тупик.

Кассандра рассеянно кивнула. Ее мысли унеслись далеко в попытках установить связи. Все дело в разговорах Бена о тайнах, его гипотезе, что Нелл пыталась разгадать свою. Все загадки, которые открылись на поминках ее бабушки, начали сплетаться в единый клубок: неизвестные родители Нелл, ее приезд ребенком в океанский порт, чемодан, таинственное путешествие в Англию, этот загадочный дом...

– Ну ладно. – Бен выплеснул из чашки оставшуюся заварку в горшок с красными геранями. – Я лучше пойду. Через пятнадцать минут ко мне придет клиент насчет буфета из красного дерева. Столько возни было с тем, чтобы его продать, я с радостью сбуду его с рук. Тебе что-нибудь нужно в центре?

Кассандра покачала головой:

– Я сама схожу в понедельник.

– Не стоит спешить, Касс. Я уже говорил, что с радостью присмотрю за твоим магазином, сколько потребуется. Вечером, когда закончу, я принесу тебе выручку.

– Спасибо за все, Бен, – сказала она.

Старик встал и вернул кресло скваттера на место, оставив документы под чашкой. Он собирался уже исчезнуть за углом дома, но вдруг остановился и обернулся.

– Займись собой, хорошо? Если ветер подует чуть сильнее, то тебя унесет.

Он озабоченно наморщил лоб, и Кассандра поняла, что едва ли может смотреть в глаза Бена, которые были слишком правдивым зеркалом его души. Девушка не в силах была сознавать, что старик помнит ее прежней.

– Касс?

– Ладно-ладно, займусь.

Она помахала ему вслед, услышала, как гудение мотора его автомобиля удаляется по улице и затихает. В его сочувствии, пусть и хорошо продуманном, всегда словно таилось обвинение, разочарование, хоть и самое слабое, что Кассандра не смогла – или не захотела – оправиться от ударов прошлого. Бен не понимал, что она могла сознательно решить остаться такой. Что там, где он видел отчуждение и одиночество, Кассандра видела самосохранение. Чем меньше можно потерять, тем безопаснее.

Она поскребла носком кроссовки бетонную дорожку и отмела грустные мысли о прошлом. Затем взяла документы и впервые заметила маленькую записку, прикрепленную спереди. Старческие каракули Нелл, которые почти невозможно прочитать. Она поднесла их поближе, затем отодвинула подальше, медленно разбирая слова.

«Кассандре, – гласили они, – которая поймет почему».

Глава 8

Брисбен, Австралия, 1975 год

Нелл еще раз быстро проверила документы: паспорт, билет, дорожные чеки. Она застегнула на молнию туристский бумажник и сделала себе строгий выговор. Что за навязчивые мысли? Люди путешествуют каждый день. Пристегиваются к креслам в огромных жестяных банках и позволяют запустить себя в небо. Нелл глубоко вдохнула. Все будет хорошо. Она со всем справится.

Нелл прошла по дому, заодно проверяя оконные задвижки. Заглянула на кухню, убедилась, что не оставила газ утекать, а лед в холодильнике таять, что отключила розетки. Наконец вынесла два чемодана через заднюю дверь и заперла ее. Разумеется, она знала, почему нервничает, и дело не только в страхе что-то забыть и даже не в опасении, что самолет свалится с неба. Нелл нервничала, потому что возвращалась домой. После стольких лет, после целой жизни она возвращалась домой.

Все случилось так быстро. Ее отец, Хеймиш, умер всего две недели назад, и вот она уже открывает дверь в прошлое. Папа наверняка знал, что дочь так поступит. Когда он передал чемодан Филлис и велел доставить его Нелл после своей смерти, он, скорее всего, догадывался.

Нелл ждала у дороги такси и смотрела вверх, на свой бледно-желтый дом. Такой высокий с этого ракурса, совсем не похожий на другие, с забавной лесенкой на заднем дворе, заколоченной в прежние годы, с навесами в розовую, голубую и белую полоску, с двумя слуховыми окнами наверху. Слишком узкий, слишком угловатый, чтобы считаться элегантным, и все же она любила его. Его неуклюжесть, его залатанную добротность, его сомнительное происхождение. Жертва времени и вереницы владельцев, каждый из которых стремился поставить свое клеймо на его терпеливый фасад.

Нелл купила этот дом в тысяча девятьсот шестьдесят первом, когда Эл умер и они с Лесли вернулись из Америки. Он был неухоженным, но стоял на склоне Паддингтона, за старым театром «Плаза», и больше прочих походил на настоящий дом. В ответ он вознаграждал ее за веру, даже дал ей новый источник дохода. Нелл наткнулась на комнату со сломанной мебелью, запертой в темном подвале, и увидела стол, который поразил ее воображение, – с витыми ножками и откидной доской. Он был в крайне плохом состоянии, но Нелл, недолго думая, купила немного наждачной бумаги и шеллака и принялась возвращать его к жизни.

Это Хейм научил ее реставрировать мебель. Когда отец вернулся с войны и начали рождаться крошки сестры, по выходным Нелл ходила за ним по пятам. Она стала его помощницей, научилась отличать «ласточкин хвост» от прямого вруба⁷, шеллак от олифы, поняла, что за радость – починить сломанное своими руками. Однако прошло много времени с тех пор, как Нелл занималась этим. Пока не увидела тот стол, она не помнила, что самостоятельно может его отреставрировать, забыла, что когда-то всем сердцем любила это занятие. Она бы заплакала, когда втирала шеллак в витые ножки и вдыхала знакомые пары, да только слезы были ей несвойственны.

Увядающая гардения рядом с чемоданом привлекла внимание Нелл, и она вспомнила, что не позаботилась нанять кого-нибудь поливать сад. Соседская девчонка согласилась кормить кошек, одна знакомая – забирать в магазине почту, но растения совсем вылетели из головы, что прекрасно характеризовало состояние ее духа: вот так забыть о своей гордости и радости. Придется попросить одну из сестер, позвонить из аэропорта, а то и с другого края земли. То-то они удивятся, хотя им не привыкать к выходкам старшей сестры.

---

⁷ «Ласточкин хвост» и прямой призматический вруб – виды соединений деталей.

Трудно поверить, что когда-то они были очень близки. Отцовское признание многое украло у нее, но самую глубокую рану нанесла потеря сестер. Ей было уже одиннадцать, когда родилась первая, но немедленно возникшая связь ошеломила ее. Она знала, еще до напоминания матери, что забота о сестренках, об их безопасности лежит на ее плечах. Наградой стала взаимная привязанность. Если они расшибали коленки, то бежали к Нелл, чтобы та их утешила, крепкие маленькие тельца сестер прижимались к ней. Когда девочкам снились кошмары, они забирались в постель к старшей сестре, чтобы провести рядом долгую ночь.

Но папина тайна все изменила. Его слова сбросили книгу ее жизни на пол, и страницы разлетелись во все стороны, их невозможно стало сложить обратно, чтобы прочесть тот же рассказ. Она обнаружила, что не может смотреть на сестренку, не думая о собственной чужеродности, и все же не могла рассказать им правду. Поступить так означало разрушить нечто, во что те безоговорочно верили. Нелл предпочла, чтобы ее считали чудачкой, но не чужачкой.

Черно-белое такси свернуло на улицу, и она помахала ему рукой. Водитель погрузил чемоданы в багажник, и Нелл забралась на заднее сиденье.

Водитель захлопнул дверь.

– Куда, милая?

– В аэропорт.

Водитель кивнул, и машина тронулась, пробираясь сквозь лабиринт улочек Паддингтона.

Отец рассказал ей правду в двадцать первый день рождения. Его произнесенное шепотом признание отняло у нее саму себя.

– Но кто же я? – спросила она в тот вечер у отца.

– Ты – это ты. Та же, что всегда. Ты – Нелл, моя Нелли.

Она понимала, что Хеймиш отчаянно этого жаждет, но знала, что все не так. Реальность сместилась на несколько градусов, и она выбилась из общего ряда. Той, кем она была или кем себя считала, в действительности не существовало. Никакой Нелл Эндрюс не было.

– Кто я на самом деле? – вновь спросила она через несколько дней. – Прошу, расскажи мне, папа.

Хеймиш покачал головой и отвел глаза. Он устал и выглядел старше, чем прежде.

– Я не знаю, Нелли. Мы с твоей мамой так и не выяснили. И нам всегда было все равно.

Она хотела, чтобы ей тоже было все равно. Но что-то изменилось, и она больше не могла смотреть в глаза отцу. Нелл не стала любить его меньше, просто исчезла легкость. Любовь, которую девушка питала к Хеймишу, незримая, неоспоримая в прошлом, приобрела вес, голос. Она шептала, когда Нелл смотрела на него: «На самом деле ты не его дочь». Девушка не могла поверить, что он любит ее не меньше, чем сестер, сколько бы отец ни настаивал.

– Ну конечно люблю, – сказал он, когда Нелл спросила его.

Взгляд Хеймиша выдал изумление и обиду. Он достал платок и вытер рот.

– Я узнал тебя первой, Нелли, я любил тебя дольше всех.

Но этого было мало. Она была ложью, жила во лжи, но больше не хотела так жить.

Шли месяцы, и жизнь, которая создавалась двадцать один год, методично разваливалась на части. Девушка бросила работу в новостном агентстве мистера Фицсиммонса и нашла другую – билетерши в новом театре «Плаза». Она упаковала одежду в два небольших чемодана и стала снимать квартиру вместе с подружкой. Разорвала помолвку с Денни. Не сразу, ей не хватило смелости на резкий разрыв. Нелл позволила их отношениям распадаться месяцами, почти все время уклоняясь от встреч с молодым человеком. Она гадко вела себя, даже когда соглашалась на свидание. Трусость заставила Нелл ненавидеть себя еще сильнее, лишь подтверждая ее подозрение: она заслужила все, что происходит.

Девушке понадобилось много времени, чтобы порвать с Денни. Его красивое лицо, честные глаза и непринужденная улыбка... Конечно, он хотел знать причину, но Нелл не могла заставить себя рассказать правду. Не было слов, чтобы объяснить ему, что женщины, которую

он любил, на которой надеялся жениться, больше нет. Как могла она ожидать, что Денни будет ценить ее, по-прежнему хотеть ее, когда узнает, что когда-то ее выбросили? Что ее настоящая семья отказалась от нее?

Такси повернуло на Альбион и помчалось на восток к аэропорту.

– Куда направляетесь? – спросил водитель, встретив взгляд Нелл в зеркале заднего вида.

– В Лондон.

– К родным?

Нелл посмотрела в грязное окно машины.

– Да, – ответила она с надеждой.

Лесли она тоже не сказала, что едет. Она думала об этом, представляла, как берет трубку и набирает номер дочери, последний в строчке, что змеилась по странице записной книжки и забегала на поля. Но каждый раз успевала раздумать. Скорее всего, она успеет вернуться еще до того, как Лесли поймет, что ее нет.

Нелл незачем было задумываться, когда именно она совершила ошибку с Лесли, она и так прекрасно знала это. Она взяла неверную ноту, да так и не нашла нужную. Роды были шоком, жестоким появлением вопящего, ревушего живого комочка, сплошные руки, ноги, беззубые десны и скрюченные от ужаса пальчики.

Ночь за ночью Нелл лежала без сна в американской больнице и ждала, когда же возникнет связь, о которой говорят люди. Головой она понимала, что крепко и неразрывно связана с маленьким человечком, которого вырастила в себе. Но чувство так и не пришло. Как отчаянно Нелл ни старалась, как ни желала этого, она не становилась единым целым со свирепой дикой кошечкой, которая сосала, грызла и царапала ее грудь, неизменно желая большего, чем мать могла дать.

Эл, напротив, был сражен, всецело поглощен воспитанием дочери. Казалось, он не замечал, что ребенок – наказание Господне. В отличие от большинства мужчин своего поколения он с радостью держал дочку, баюкал на изгибе руки, водил гулять по широким улицам Чикаго. Иногда Нелл наблюдала, изобразив ласковую улыбку, как он влюбленно смотрит на малышку. Эл поднимал взгляд, и в его затуманенных глазах Нелл видела отражение собственной пустоты.

Лесли родилась с горячей кровью, но смерть Эла в тысяча девятьсот шестьдесят первом остудила ее. Едва Нелл озвучила новость, как увидела: глаза дочери устало тускнеют и подергиваются пеленой. Следующие несколько месяцев Лесли, будучи и без того загадкой для Нелл, все глубже забиралась в кокон подростковой уверенности, что презирает мать и не желает больше иметь с ней ничего общего.

Вполне понятно, разумеется, хоть и неприемлемо – ей уже исполнилось четырнадцать, очень восприимчивый возраст, а отец был для нее светом в окошке. Возвращение в Австралию не помогло, но что теперь говорить. Нелл хватало ума не осуждать себя задним числом. Она поступила, как тогда казалось, наилучшим образом. Нелл не была американкой, мама Эла умерла несколькими годами раньше, и во всех отношениях они остались одни. Чужие в чужой стране.

Когда Лесли ушла из дома в семнадцать, автостопом обогнув восточное бедро Австралии и спустившись к ее колену, Сиднею, Нелл с радостью отпустила ее. Без дочери она поняла, что может наконец избавиться от зеленой тоски, которая мучила ее последние семнадцать лет. Тоска нашептывала, что она ужасная мать, что родная дочь не в силах ее терпеть, что это дурная наследственность, что она не заслужила детей. Не важно, сколь добры были Хеймиш и Лил, Нелл родилась от плохой матери, из числа тех, кто легко откажется от своего ребенка.

Но все оказалось не так уж скверно. Через двенадцать лет Лесли перебралась ближе к дому, поселилась на Золотом Побережье с очередным парнем и своей дочерью Кассандрой. Нелл видела девочку всего пару раз. Бог знает, кто ее отец; Нелл не стала спрашивать. Но верно, он был не совсем пропащим, потому как во внучке почти не чувствовалось горячности

матери. Совсем наоборот, Кассандра казалась ребенком, душа которого стала взрослой раньше времени. Тихая, терпеливая, задумчивая, преданная Лесли – право, прекрасный ребенок. В ней таилась серьезность, уголки печальных голубых глаз были опущены, а милый ротик, как подозревала Нелл, мог бы стать красивым, если бы она хоть раз улыбнулась с неподдельной радостью.

Черно-белое такси остановилось у дверей Кантаса, Нелл протянула водителю деньги и отогнала все мысли о Лесли и Кассандре.

Она потратила полжизни, подстерегаемая сожалением, тонушая в неправдах и сомнениях. Настало время для ответов, время узнать, кто она. Нелл выскочила из машины и подняла голову к небу, в котором над самой головой пронесся грохочущий самолет.

– Удачного полета, милая, – сказал водитель, ставя чемоданы Нелл на багажную тележку.
– Да. Спасибо.

Все так и будет. До ответов рукой подать. Прожив жизнь тенью, она обретет плоть и кровь.

Маленький белый чемодан был ключом к разгадке, точнее, им было его содержимое. Книга волшебных сказок, опубликованная в Лондоне в тысяча девятьсот тринадцатом году, и изображение женщины на фронтисписе. Нелл немедленно узнала ее. Прежде чем подключилось сознание, из самой глубины памяти всплыли имена, которые она полагала лишь частью детской игры. Госпожа. Сочинительница. Она не только знала, что Сочинительница реальна, она помнила ее имя. Элиза Мейкпис.

Первой мыслью Нелл, вполне естественно, было, что Элиза Мейкпис – ее мать. Когда она подавала запрос в библиотеку, то сжимала кулаки, ожидая и надеясь, что библиотекарь обнаружит: Элиза Мейкпис потеряла ребенка и всю жизнь искала пропавшую дочь. Но объяснение, разумеется, не могло быть таким простым. Библиотекарь очень мало нашел об Элизе, но вполне достаточно, чтобы узнать: писательница, творившая под этим именем, детей не имела.

Списки пассажиров оказались немногим более полезны. Нелл проверила все корабли, что вышли из Лондона в Мэриборо в конце тысяча девятьсот тринадцатого, но имени Элизы Мейкпис ни в одном из них не было. Разумеется, не исключено, что Элиза писала под псевдонимом, а билет заказала на свое настоящее или выдуманное имя. Но Хейм не сказал Нелл, на каком корабле она приехала, так что способа сократить список не было.

И все же Нелл не опустила руки. В любом случае Элиза Мейкпис была важна, так как играла некую роль в ее прошлом. Нелл смутно помнила Элизу. Просто старые, давно вытесненные воспоминания, но вполне реальные. Она была на корабле. Ждала. Пряталась. Играла. Она начинала припоминать и другие подробности. Словно воспоминание о Сочинительнице приподняло некую крышку. Начали появляться обрывки из детства: лабиринт, старая женщина, которая пугала ее, долгое путешествие по воде. Нелл знала, что благодаря Элизе найдет себя, а чтобы найти Элизу, необходимо отправиться в Лондон.

Слава богу, у нее хватило денег, чтобы позволить себе перелет. Точнее, спасибо отцу, потому что ему она обязана больше, чем Богу. В белом чемодане, рядом с книгой волшебных сказок, щеткой для волос и детским платкицем, Нелл нашла перевязанное письмо от Хейма с фотографией и чеком. Не состояние – он не был богат, – но достаточно, чтобы изменить положение. В письме он говорил, что хочет оставить ей чуть больше, но чтобы остальные девочки не узнали. Он всю жизнь помогал им деньгами, но Нелл неизменно отказывалась от поддержки. А так она не сможет сказать «нет».

Затем отец извинился, написал, что надеется, когда-нибудь она простит его, хотя сам он так и не сумел себя простить. Возможно, ее обрадует, что он не справился со своей виной, которая сломала его. Он провел остаток жизни, жалея, что рассказал правду, а будь он посмелее, то жалел бы, что вообще оставил девочку у себя. Но жалеть об этом – значит желать жизни без Нелл, а ему легче нести груз вины, чем отказаться от дочери.

Фотографию Нелл уже видела прежде, хоть и недолго. Она была черно-белая – точнее, коричнево-белая, – сделанная десятки лет назад. Хеймиш, Лил и Нелл, до того как родились сестры и наполнили семью смехом, громкими голосами и девчачьим визгом. Один из тех студийных снимков, на которых сидящие внутри рамки выглядят немного испуганными, как будто их выдернули из настоящей жизни, уменьшили и посадили в кукольный дом, полный незнакомых предметов. Глядя на карточку, Нелл ничуть не сомневалась, что помнит, как ее снимали. У нее сохранилось немного детских воспоминаний, но Нелл отчетливо помнила, как ей сразу не понравилось, что ее привели в студию, помнила химический запах проявителя. Она отложила фотографию в сторону и снова взяла письмо отца.

Сколько бы Нелл его ни читала, она неизменно удивлялась выбору слов: его вина. Она полагала, отец считал себя виновным в том, что разрушил своим признанием ее жизнь, и все же слово заставляло беспокоиться. Сожаление, возможно, раскаяние, но вина? Станный выбор. Ведь как бы Нелл ни хотела, чтобы этого не произошло, каким бы невозможным ни полагала и дальше вести ту жизнь, о фальши которой узнала, она никогда не считала своих родителей виноватыми. В конце концов, они лишь поступили, как считали нужным, как и было нужно. Они подарили ей дом и любовь, которых она была лишена. То, что отец полагал себя виновным, воображал, будто Нелл может считать его таковым, тревожило. Но было уже слишком поздно спрашивать, что он имел в виду.

Глава 9

Мэриборо, Австралия, 1914 год

Нелл провела с ними уже четыре месяца, когда пришло письмо в портовую контору. Мужчина из Лондона разыскивал маленькую девочку четырех лет. Волосы рыжие. Глаза голубые. Девочка пропала месяцев семь назад, и у этого типа – Генри Мэнселла, согласно письму, – имелись основания думать, что она села на корабль, возможно пассажирский, идущий в Австралию. Мужчина искал ее от лица клиентов – родителей ребенка.

Хеймиш стоял у стола и чувствовал, как слабеют колени и обмякают мышцы. Миг, которого он страшился, неминуемость которого всегда предвидел, настал. Лил может верить во что угодно, но дети, особенно такие, как Нелл, не пропадают без вести. Он сел в кресло, сосредоточился на дыхании, глянул в окно. Хеймиш отчетливо почувствовал, что у него появился новый противник.

Он провел рукой по лицу, погладил шею. Черт, что же делать? Скоро на работу придут коллеги и увидят письмо. И хотя никто не в курсе, как он нашел Нелл одну-одинешеньку на пристани, это спасет их ненадолго. Слухи дойдут до городка, как всегда доходят, и кто-нибудь сумеет сложить два и два, поймет, что девочка, которая живет с Хеймишем и Лил на Куин-стрит и странно разговаривает, чертовски похожа на пропавшую маленькую англичанку.

Нет, нельзя, чтобы другие прочитали письмо. Хеймиш заметил, что руки его немного дрожат. Он аккуратно сложил письмо пополам, потом еще раз и положил в карман пиджака. Пусть пока побудет там.

Хеймиш сел. Ему стало легче. Нужно только выиграть время и место, чтобы подумать, понять, как убедить Лил, что пришло время вернуть Нелл родным. Планы переезда в Брисбен постепенно претворялись в жизнь. Лил сказала домовладельцу, что переезжает, начала паковать немногочисленные пожитки, обмолвилась в городке, что для Хейма в Брисбене откроются новые возможности, которые упустил бы только дурак.

Но от планов можно, даже нужно отказаться. Ведь теперь они знают, что Нелл ищут, а это все меняет.

Хеймиш заранее предчувствовал, что жена ответит: эти люди, которые потеряли Нелл, этот тип Генри Мэнселл не заслуживают ее. Она станет уговаривать Хейма, умолять его, настаивать, что нельзя отдавать девочку столь безответственным людям. Но Хеймиш заставит жену понять, что выбора нет, что Нелл не их дочь и никогда ею не была, что она принадлежит другим. Она уже больше не Нелл, ее ждет настоящее имя.

В тот день, поднявшись по переднему крыльцу, Хейм на мгновение остановился, собираясь с мыслями. Когда он вдохнул едкий дым, поднимавшийся из трубы, сладкий, оттого что шел от огня, согревавшего семейный очаг, некая невидимая сила словно приковала его к месту. Хеймиш смутно ощутил, что стоит на пороге, шаг за который все изменит.

Он глубоко вдохнул, толкнул дверь, и две его девочки повернулись к нему. Они сидели у огня, Нелл на коленях Лил. Длинные рыжие волосы ребенка свисали мокрыми прядями, а Лил их расчесывала.

– Папа! – крикнула Нелл, радость озарила ее личико, и без того покрасневшее от тепла.

Лил улыбнулась мужу поверх головки малышки. Эта улыбка всегда была его погибелью. С тех самых пор, как Хеймиш впервые увидел будущую жену, скручивающую веревки в лодочном сарае ее отца. Когда же он в последний раз видел эту улыбку? Он знал, что еще до детей, до их детей, тех, что отказались родиться.

Хеймиш поставил сумку, засунул руку в карман, где письмо прожигало дыру, и пробежал по его гладкой бумаге кончиками пальцев, затем повернулся к плите, на которой исходила паром самая большая кастрюля.

– Ужин пахнет что надо.

В горле словно лягушка застряла.

– Мамина рыбная похлебка, – сообщила Лил, распутывая волосы Нелл. – Ты не заболел?

– Так, ерунда.

– Я заварю тебе ячменной воды с лимоном.

– Да все нормально, – сказал Хейм. – Не стоит хлопот.

– Какие хлопоты? Ведь ты мой муж.

Она снова улыбнулась ему и похлопала Нелл по плечам.

– Слезай, детка, маме надо встать и посмотреть, как там чай. А ты сиди здесь, пока волосы не высохнут. Ты ведь не хочешь подхватить простуду, как папа?

Она говорила и смотрела на Хейма, удовлетворенность во взгляде Лил ужалила мужа в самое сердце так, что ему пришлось отвернуться.

Весь ужин письмо камнем лежало в кармане, не давая забыть о себе. Рука Хейма тянулась к нему, как железо к магниту. Он не мог отложить нож без того, чтобы пальцы не скользнули в пиджак и не погладили гладкую бумагу – приговор их недолгому счастью. Письмо от человека, который знает семью Нелл. По крайней мере, так он написал – внезапно поправился Хеймиш, дивясь тому, как мгновенно поверил заявлениям незнакомца. Он вновь подумал о содержании письма, вызвал строчки из памяти и просмотрел их в поисках доказательств. Прохладная волна облегчения немедленно окатила его. В письме не было ровным счетом ничего, что позволяло бы поверить в его истинность. В мире полно людей сомнительного толка, плетущих самые сложные сети. Он знал, что в некоторых странах есть рынки маленьких девочек и белые работорговцы постоянно ищут товар на продажу...

Нелепо. Даже отчаянно цепляясь за подобные возможности, он знал, насколько они маловероятны.

– Хейм?

Он быстро поднял взгляд. Лил странно смотрела на него.

– Вечно ты витаешь в облаках. – Она приложила теплую ладонь к его лбу. – Надеюсь, ты не сляжешь с лихорадкой.

– Я здоров, – ответил Хеймиш резче, чем хотел. – Я здоров, любимая.

Лил сжала губы.

– Я только предположила. Пойду уложу маленькую даму в кроватку. У нее был насыщенный день, и силенок совсем не осталось.

Словно по заказу, Нелл широко и сладко зевнула.

– Спокойной ночи, папа, – довольно сказала она, закончив зевать.

Он и опомниться не успел, как Нелл забралась к нему на колени, свернулась, точно теплый котенок, обняла за шею. Хеймиш никогда прежде не сознавал так остро свою загрубевшую кожу, колючие щеки. Он обхватил руками худенькую спинку девочки и закрыл глаза.

– Спокойной ночи, Нелли, любимая, – прошептал он в волосы девочки.

Хеймиш смотрел, как его дамы исчезают в соседней комнате. Его семья. Даже самому себе он не мог объяснить, как эта малышка, их Нелл с двумя длинными косами, сумела помочь им обрести цельность. Вместе они стали нерушимой семьей из трех человек, а не просто двумя душами, решившими связать свои судьбы.

А сейчас приходится размышлять, как ее разрушить...

Услышав звук в коридоре, он поднял взгляд. Лил наблюдала за ним. Отсветы огня подбили алым ее волосы, зажгли глубокое мерцание в глазах, черных лунах под длинными ресни-

цами. Ниточка волнения тянула ее губы за уголки, раздвигая в полуулыбке, которая указывала на чувство слишком сильное, чтобы выразить его словами.

Хейм неуверенно улыбнулся в ответ. Его рука вновь скользнула в карман, пальцы пробежали по бумаге. Его губы разомкнулись с тихим звуком, подрагивая от слов, которых мужчина не хотел произносить, хотя не был уверен, сможет ли остановить их.

Лил уже стояла рядом. Ее пальцы на запястье мужа посылали жаркие волны в шею, ее теплая ладошка лежала на его щеке.

– Пойдем в постель.

Ах, есть ли на свете слова более сладостные? В ее голосе звучало обещание, и он сделал свой выбор.

Хеймиш вложил свою ладонь в ладонь жены, крепко сжал и пошел следом.

Проходя мимо огня, он бросил в него гладкую бумагу. Та схватилась, зашипела, вспыхнула мимолетным упреком в уголках глаз Хеймиша. Но он не остановился, а пошел дальше и даже не оглянулся.

Глава 10

Брисбен, Австралия, 2005 год

Раньше в здании, которое стало антикварным центром, находился театр. Театр «Плаза» – грандиозный эксперимент тридцатых годов двадцатого века. Простой снаружи – огромная белая коробка, врезанная в склон Паддингтона, – и сложный внутри. Сводчатый потолок, темно-синий, с силуэтами облаков, когда-то был подсвечен, чтобы создавать иллюзию лунной ночи, и сотни крошечных огоньков мерцали, точно звезды. Десятилетиями здесь было бойкое место, еще в те дни, когда трамваи громыхали по улицам и китайские сады цвели в долинах. Но, одолев таких жестоких противников, как пожар и потоп, театр быстро и бесшумно пал в шестидесятых под натиском телевидения.

Лавка Нелл и Кассандры располагалась прямо под сводами просцениума⁸, в левой части сцены. Лабиринт полок, заставленных брикабраком, всякой всячиной и эклектичным ассортиментом памятных сувениров. Давным-давно другие торговцы в шутку начали называть ее лавкой Аладдина, и прозвище прилипло. Небольшая деревянная дощечка с золотыми буквами именовала заведение «Пещерой Аладдина».

Кассандра сидела на трехногом стуле, окружив себя вещами, и никак не могла сосредоточиться. Она впервые пришла в центр после смерти Нелл, и ей было не по себе среди сокровищ, которые они собирали вместе. Странно, что Нелл нет, а товары остались. Разве не предательство с их стороны? Ложки, которые полировала Нелл, этикетки, подписанные неразборчивыми каракулями бабушки, книги, книги, книги. Они были слабостью Нелл, ведь у каждого торговца есть своя слабость. В особенности она любила те, что были написаны в конце девятнадцатого века. Книги поздневикторианской эпохи, с чудесными печатными текстами и черно-белыми иллюстрациями. Еще лучше, если в книге было посвящение от дарителя. Свидетельство прошлого, намек на руки, через которые книга прошла на своем пути в лавку.

– Доброе утро.

Кассандра подняла глаза и увидела Бена, протягивающего бумажный стаканчик с кофе.

– Разбираешь товары? – спросил он.

Она отвела тонкие прядки от глаз и взяла предложенный напиток.

– Переставляю туда-сюда. В основном возвращаю на место.

Бен отпил кофе, разглядывая Кассандру поверх своего стаканчика.

– У меня для тебя кое-что есть.

Он залез под вязаную жилетку и достал из кармана рубашки сложенный листок бумаги.

Кассандра раскрыла листок и разгладила сгибы. Бумага для принтера, белая, формат А4, посередине расплывчатая черно-белая фотография дома. Даже небольшого особняка: каменная кладка, насколько можно различить, с пятнами – возможно, выюнок? – на стенах. Из-за черепичной остроконечной крыши выглядывает каменная труба. На краю балансируют два цветочных горшка, один из которых сколот.

Конечно, она знала, что это за дом, незачем было и спрашивать.

– Решил покопать немного, – сказал Бен. – Ничего не мог с собой поделаться. Дочка в Лондоне нашла снимок и послала мне его по электронной почте.

Так вот он какой, большой секрет Нелл! Дом, который она купила, повинувшись порыву, и о котором молчала все эти годы. Снимок оказал на Кассандру странное воздействие. Документы на дом лежали на кухонном столе все выходные, Кассандра смотрела на них всякий раз, проходя мимо, почти ни о чем другом и не думая, но, лишь увидев снимок, впервые ощутила реальность дома. Все словно приобрело четкость: Нелл, которая отправилась в могилу, не зная,

⁸ *Просцениум* – часть сцены, выступающая в сторону зрительного зала и расположенная перед занавесом.

кто она на самом деле, купила дом в Англии и оставила его Кассандре, надеясь, что внушка все выяснит.

– У Руби отличный нюх, так что я отправил ее на поиски сведений о прошлых владельцах. Я подумал, если мы узнаем, у кого твоя бабушка купила дом, то сможем понять, почему она это сделала.

Бен вытянул из нагрудного кармана маленький блокнот на пружине и поправил очки, чтобы лучше видеть страницу.

– Имена Дэниела и Джулии Беннет тебе о чем-нибудь говорят?

Кассандра покачала головой, не отводя глаз от снимка.

– Если верить Руби, Нелл приобрела недвижимость у мистера и миссис Беннет, которые сами купили ее в тысяча девятьсот семьдесят первом. Дом, как и соседнюю усадьбу, они превратили в гостиницу. Отель «Чёренгорб».

Старик с надеждой посмотрел на Кассандру. Она снова покачала головой.

– Уверена?

– Никогда о нем не слышала.

– А. – Из Бена словно выпустили воздух. – А, ну ладно тогда.

Он захлопнул блокнот и облокотился на ближайшую книжную полку.

– Боюсь, это все, что мне удалось разузнать, холостой выстрел, полагаю. – Он поскреб бороду. – Чертовски похоже на Нелл – оставить такую загадку. Что может быть эксцентричнее тайного дома в Англии?

Он помахал другому торговцу и понизил голос:

– Кларенс идет. Бетти говорит, он чуть не рехнулся, когда я дал покупателю скидку на один из его аккордеонов на прошлой неделе. – Он усмехнулся. – Политика, а?

Кассандра улыбнулась:

– Спасибо за снимок, и поблагодари от меня дочку.

– Сама поблагодаришь, когда перелетишь на ту сторону пруда.

Бен потряс стаканчик с кофе и заглянул в дырочку для питья, чтобы удостовериться, что тот пуст.

– Когда собираешься ехать? – спросил он.

Кассандра широко распахнула глаза.

– Куда – в Англию?

– Фотография – это прекрасно, но лучше ведь своими глазами увидеть!

– По-твоему, я должна съездить в Англию?

– Почему нет? На дворе двадцать первый век, ты обернешься за неделю и будешь куда лучше знать, как поступить с домом.

Несмотря на документы, лежавшие на столе, Кассандру так захватила сама теоретическая возможность существования дома Нелл, что она совсем забыла подумать о практической стороне дела: дом в Англии ждет ее. Она поковыряла носком тусклый деревянный пол и глянула на Бена сквозь челку.

– Наверное, его надо продать?

– Такое серьезное решение нельзя принимать, не глянув хотя бы одним глазком.

Бен кинул стаканчик в переполненную мусорную корзину рядом с кедровым столом и добавил:

– Хуже ведь не будет. Дом много значил для Нелл, раз она берегла его столько времени.

Кассандра размышляла об этом. Лететь в Англию, одной, ни с того ни с сего...

– Но лавка...

– Ха! Сотрудники центра позаботятся о твоих продажах, да и я буду рядом. – Бен указал на переполненные полки. – Товара тебе хватит еще лет на десять. – Его голос смягчился. – Почему бы не попробовать, Касс? Тебе не повредит ненадолго уехать. Руби живет в конуре в

Южном Кенсингтоне, а работает в Музее Виктории и Альберта. Она все покажет, позаботится о тебе.

В последнее время люди постоянно предлагают Кассандре свою заботу. Когда-то, сто лет назад, она сама была взрослым ответственным человеком и заботилась о других.

– Да и что ты потеряешь?

Ничего, ей нечего и некого терять. Кассандра вдруг почувствовала, что устала от разговора. Она изобразила легкую покладистую улыбку и добавила к ней:

– Я подумаю.

– Хорошая девочка.

Старик смахнул щепку с ее плеча и направился к выходу.

– Да, чуть не забыл, я раскопал еще кое-что интересное. Не проливает света на Нелл и ее дом, но все равно забавно, учитывая твоё художественное прошлое, твои рисунки.

Так небрежно сказать, так легко отнести к прошлому годы чьей-то жизни, чью-то страсть – все равно что удар под дых. Кассандра сумела удержать улыбку.

– Усадьба, в которой стоит дом Нелл, когда-то принадлежала семье Мунтраше.

Фамилия ничего не говорила Кассандре, и она покачала головой. Бен поднял бровь:

– Их дочь Роза вышла замуж за Натаниэля Уокера.

Кассандра нахмурилась:

– Художник... Американец?

– Точно, в основном портреты, ну, сама понимаешь. Госпожа такая-то и шесть ее любимых пуделей. Если верить дочке, он даже написал портрет короля Эдуарда⁹ в тысяча девятьсот десятом, перед самой кончиной монарха. По мне, так вершина карьеры, хотя Руби, похоже, не в восторге. Она сказала, что портреты не слишком удавались ему, были немного безжизненны.

– Я давно уже...

– Ей больше нравятся его эскизы. Руби всегда так, хлебом не корми, дай плыть против течения.

– Эскизы?

– Иллюстрации, журнальные картинки, черно-белые.

Кассандра внезапно задержала дыхание.

– Серия «Лис и лабиринт».

Бен поднял плечи и покачал головой.

– Ах, Бен, они были чудесны, чудесны, изумительно подробны.

Она так давно не вспоминала об истории искусств, что ее поразило нахлынувшее чувство. Странно, как нечто, когда-то занимавшее главное место в жизни – годы обучения, желанная карьера, – нечто, без чего она прежде не мыслила своего существования, полностью исчезло в настоящем.

– Натаниэль Уокер мельком упоминался в курсе об Обри Бёрдсли¹⁰ и его современниках, который я слушала, – сказала Кассандра. – Его творчество считается спорным, насколько я помню, но совершенно забыла почему.

– Руби то же самое сказала; вы отлично поладите. Когда я упомянул этого художника, она разволновалась. Сказала, что несколько иллюстраций Уокера есть на новой выставке в Музее Виктории и Альберта. Очевидно, работы очень редкие.

– Он почти не рисовал эскизы. – Кассандра начала припоминать. – Наверное, был слишком занят портретами. Иллюстрации были, скорее, хобби. Но все равно те, что он создал, выполнены с большой любовью. – Она вскочила. – По-моему, у нас есть один из его рисунков в какой-то книге Нелл.

---

⁹ Эдуард VII (1841–1910) – король Великобритании и Ирландии, вступил на престол в 1901 г.

¹⁰ Бёрдсли Обри (1872–1898) – английский график, наиболее известен как иллюстратор книг Оскара Уайльда.

Кассандра взобралась на перевернутый ящик из-под молока и повела указательным пальцем вдоль верхней полки, остановившись, когда достигла бордового корешка с поблекшими золотыми буквами.

Она раскрыла книгу, не спускаясь с ящика, и осторожно пролиставла цветные иллюстрации в начале.

– Вот. – Не сводя глаз со страницы, Кассандра шагнула вниз. – «Жалоба Лиса».

Бен подошел и встал рядом, поправил очки, чтобы свет не мешал.

– Замысловато. Не в моем вкусе, но, видимо, в твоём, и я вижу, что ты восхищаешься.

– «Жалоба» прекрасна и почему-то печальна.

Он наклонился ближе:

– Печальна?

– Полна уныния, тоски. Я не могу объяснить лучше. В морде лиса чувствуется какая-то утрата. – Она покачала головой. – Я не могу объяснить.

Бен сжал ей руку, пробормотал что-то насчет сэндвича в обед и вышел. Шаркая, он направился к своей лавке, точнее, к покупателю, который звенел подвесками уотерфордской люстры.

Кассандра продолжила изучать рисунок, гадая, откуда такая уверенность в скорби лиса. Конечно, дело в мастерстве художника, в способности через точное расположение тонких черных линий ясно выразить столь сложные чувства.

Кассандра сжала губы. Эскиз напомнил ей о дне, когда она, найдя книгу волшебных сказок, убивала время в подвале дома Нелл, пока наверху мать готовилась бросить ее. Оглядываясь назад, Кассандра видела, что ее любовь к искусству началась с той самой книги. Она перевернула обложку и попала в чудесные, пугающие, волшебные иллюстрации. Кассандра гадала, каково это – преодолеть жесткие границы слов и заговорить столь плавным языком.

Со временем, подрастая, Кассандра узнала алхимическую тягу к карандашу, блаженное ощущение потери чувства времени, когда колдуешь за мольбертом. Любовь к искусству привела ее к учебе в Мельбурне, затем к свадьбе с Николасом и всему, что последовало. Странно думать, что ее жизнь могла бы быть совсем другой, если бы она никогда не увидела чемоданчик и не испытала жгучего желания открыть его и заглянуть внутрь...

У Кассандры перехватило дыхание. Почему она раньше не подумала об этом? Внезапно она точно поняла, что делать и где искать. Есть единственное место, где возможно найти необходимые ключи к загадочному происхождению Нелл.

Кассандре пришло в голову, что Нелл могла избавиться от чемодана, но девушка довольно уверенно отмахнулась от этой мысли. В конце концов, ее бабушка была торговцем антиквариатом, коллекционером, шалашником¹¹ в человеческом обличье. Уничтожить или выбросить нечто старое и редкое было совершенно не в ее духе.

Самое важное, если тетки сказали правду, что чемодан – не просто исторический артефакт, это якорь. Единственное, что связывало Нелл с ее прошлым. Кассандра понимала важность якорей, она слишком хорошо знала, что бывает с людьми, если канат, который связывает их с жизнью, рвется. Сама она дважды теряла якорь. В первый раз в десять лет, когда Лесли бросила ее, а во второй в молодости (неужели прошло уже лет десять?), когда в мгновение ока все для нее изменилось и Кассандра снова поплыла по течению.

Позже, оглядываясь на случившееся, она поняла, что чемодан сам нашел ее, как и в первый раз. Чемодан ждал ее и заявил бы о себе вне зависимости от того, охотится она за ним или нет.

---

¹¹ *Шалашник* – австралийская птица из отряда воробьиных. Токующие самцы строят из веток беседку для спаривания, украшают площадку перед ней раковинами, цветами и другими яркими предметами.

Проведя вечер за поиском чемодана и разбором захламленных комнат, Кассандра против воли отвлекалась на те или иные памятные вещицы, в итоге она невероятно устала. Устало не только тело, но и голова. Сказались выходные. Быстро и неотвратно накатила вялость, подобная описанным в волшебных сказках, колдовское стремление забыться сном.

Вместо того чтобы спуститься в свою комнату, Кассандра, не раздеваясь, свернулась клубочком под покрывалом Нелл и уронила голову на пуховую подушку. Она ощутила до боли знакомый запах – лавандового талька, полировочной пасты для серебра, стиральных хлопьев «Палмолив» – и словно припала головой к груди Нелл.

Девушка спала как мертвая, в темноте, без снов. Наутро проснулась, и ей показалось, что она отдыхала гораздо дольше, чем одну ночь.

Солнце струилось через щель в занавесках, точно огонь маяка, Кассандра лежала и смотрела, как танцуют пылинки. Она могла бы ловить их кончиками пальцев, но не стала. Вместо этого она проследила за лучом и повернула голову туда, куда он упал – на верхнюю полку гардероба, дверцы которой ночью разошлись. Там, за кучей полиэтиленовых пакетов с одеждой из магазина подержанных вещей стоял старый белый чемоданчик.

Глава 11

*Индийский океан,
400 миль от мыса Доброй Надежды, 1913 год*

До Америки долго плыть. Папа рассказывал, что она даже дальше Аравии, и девочка знала, что путешествие займет сотню дней и ночей. Девочка утратила счет дням, но чувствовала, что их прошло немало, с тех пор как она ступила на борт. На самом деле дней прошло столько, что она привыкла к непрерывному движению. Это называется «стать морским волком», как она узнала из историй о Моби Дике.

Мысль о Моби Дике очень расстроила девочку. Она вспомнила, как папа читал ей о гигантском ките, как показывал в своей студии картинки с темными океанами и огромными кораблями. Картинки назывались «иллюстрации»; девочка с удовольствием мысленно выговаривала длинное слово. Когда-нибудь они попадут в настоящую книгу, которую будут читать другие дети, потому что ее папа рисует картинки для книжек с историями. По крайней мере, рисовал раньше. Еще он писал портреты, но они девочке не нравились, их глаза следили за ней по всей комнате.

Нижняя губа девочки задрожала, как иногда бывало при мысли о папе и маме, и она прикусила ее. В первые дни путешествия она много плакала, ничего не могла с собой поделаться, скучала по родителям. Но потом почти перестала, по крайней мере перед другими детьми. Они могут решить, что она слишком маленькая, чтобы играть с ними, и что с ней тогда станет? К тому же родители скоро будут с ней. Девочка знала, что они будут ждать ее, когда корабль приплывет в Америку. А Сочинительница тоже будет там?

Девочка нахмурилась. Она успела превратиться в морского волка, но Сочинительница так и не вернулась. Странно, ведь она так строго говорила, что надо всегда быть вместе, не расставаться, несмотря ни на что. Может, она прячется? Может, все это часть игры?

Девочка не была уверена. Она лишь радовалась, что встретила Уилла и Салли на палубе в то первое утро. Иначе кто знает, где бы она спала и как находила бы еду. Уилл, Салли, их братья и сестры – детей оказалось столько, что не сразу пересчитаешь, – знали все о поисках пищи. Они показали ей, где можно раздобыть кусок солонины. (Девочке не слишком нравилась солонина, но Уилл только смеялся и говорил, что, может, она и привыкла к чему повкуснее, но в ее положении сойдет.) Обычно они были добры к ней. Сердились, лишь когда она отказывалась сказать, как ее зовут. Девочка знала, что если и играть в игры, то нужно следовать правилам. К тому же Сочинительница предупредила, что самое важное из правил – хранить свое имя в секрете.

У братьев и сестер Уилла были койки на нижних палубах, рядом со множеством других мужчин, женщин и детей. Людей там было больше, чем девочка когда-либо видела в одном месте. Мать тоже путешествовала с ними, хотя они называли ее мамашей. Она была совсем не похожа на мать девочки, у нее не было прелестного личика и чудесных темных волос, которые Поппи укладывала на макушке матери каждое утро. Мамаша больше напоминала женщин, которых девочка иногда видела, проезжая в карете через деревню, в потрепанных юбках и башмаках, нуждающихся в починке, с морщинистыми руками, похожими на пару старых перчаток, которые Дэвис надевал для работы в саду.

Когда Уилл впервые отвел девочку вниз, мамаша сидела на нижней койке и баюкала младенца, второй младенец лежал рядом и ревел.

– Это кто? – спросила она.

– Не говорит. Говорит только, что ждет кого-то и должна прятаться.

– Прятаться? – Женщина поманила девочку ближе. – И от чего же ты прячешься, детка? Но девочка не ответила, а только покачала головой.

– Где ее родня?

– По-моему, у нее никого нет, – сказал Уилл. – По крайней мере, я не видел. Она пряталась за бочками, когда я нашел ее.

– Это правда, детка? Ты одна?

Девочка подумала над вопросом и решила, что лучше согласиться, чем упомянуть о Сочинительнице. Она кивнула.

– Так-так-так. Совсем крошка и одна-одинешенька в море. – Мамаша покачала головой и шлепнула ревущего малыша. – Это твой чемодан? Можно глянуть одним глазком?

Девочка смотрела, как мамаша отщелкивает застёжки и поднимает крышку, отодвигает книгу волшебных сказок и второе новое платье, находит под ними конверт. Мамаша сунула палец под печать и открыла конверт. Достала из него маленькую стопку бумаги.

Глаза Уилла широко распахнулись.

– Купюры. – Он глянул на девочку. – Что нам с ней делать? Отвести к дежурному?

Мамаша сунула банкноты обратно в конверт, сложила его втрое и сунула себе в лиф.

– Что толку говорить кому-то на корабле, – наконец сказала она. – По мне, так никакого. Она побудет с нами, пока не доберемся на другой край света, а там выясним, кто ее ждет. Посмотрим, как нас отблагодарят за хлопоты.

Она сверкнула щербатой улыбкой.

Девочка почти не общалась с мамашей, чему была рада. Мамаша все время посвящала младенцам, которые, казалось, непрерывно сменяли друг друга у ее груди. Уилл сказал, что они сосут молоко, хотя девочка в жизни не слышала о подобном. По крайней мере, у людей. Она видела, как детеныши животных сосут молоко на фермах поместья. Младенцы напоминали пару поросят, только и делали, что вопили, сосали и толстели. И пока мамаша занималась младенцами, остальные дети заботились о себе сами. Уилл пояснил, что они привыкли, ведь дома им приходилось поступать так же. Они приехали из места под названием Болтон, и когда матери не надо было присматривать за младенцами, она с утра до ночи работала на хлопковой фабрике. Вот почему она так кашляла. Девочка все понимала, ведь ее мать тоже была нездорова, хоть и не кашляла, как мамаша.

По вечерам девочка и остальные дети садились и слушали музыку наверху, скольжение ног по блестящим полам. Сейчас они как раз сидели в темном углу и слушали. Сперва девочка хотела посмотреть, но другие дети только засмеялись и сказали, что верхние палубы не для таких, как они. Что ближе, чем этот закуток под вертикальной лестницей, им к барской палубе не подобраться.

Маленькая девочка промолчала, она прежде никогда не сталкивалась с такими правилами. Дома, за одним исключением, ей позволяли ходить, куда хочется. Запретным был лабиринт, который вел к дому Сочинительницы. Но это совсем другое дело, и ей было сложно понять, что имел в виду мальчик. Таких, как они? Детей? Возможно, на верхнюю палубу не пускают детей?

Впрочем, тем вечером ей не хотелось никуда подниматься. Она ощущала усталость уже не первый день. Ту усталость, от которой ноги становятся тяжелыми, точно бревна, а ступеньки кажутся вдвое выше. Еще у нее кружилась голова, а дыхание, слетавшее с губ, было горячим.

– Пойдем, – сказал Уилл, которому надоело слушать музыку. – Посмотрим, не видать ли землю.

Все зашевелились и встали. Девочка заставила себя подняться и попыталась сохранить равновесие. Уилл, Салли и остальные разговаривали, смеялись, их голоса кружились вокруг нее. Она попыталась понять, о чем они говорят, ее ноги дрожали, в ушах звенело.

Лицо Уилла внезапно приблизилось.

– Что случилось? Ты не заболела? – громко произнес он.

Девочка открыла рот, чтобы ответить, но колени подогнулись, и она начала падать. Прежде чем удариться головой о деревянную ступеньку, она увидела, как в небе мерцает яркая полная луна.

Девочка открыла глаза. Над ней стоял серьезный мужчина с бугристыми щеками и серыми глазами. Выражение его лица не изменилось, когда он наклонился ближе и достал из кармана рубашки маленькую плоскую лопаточку.

– Открой.

Прежде чем она поняла, что происходит, лопаточка прижала язык и мужчина заглянул в ее рот.

– Ясно, – сказал он. – Хорошо.

Врач вынул лопаточку и поправил свой жилет.

– Дыши.

Девочка повиновалась, и мужчина кивнул.

– С ней все хорошо, – снова сказал он.

Затем подозвал мужчину помоложе, с соломенными волосами.

– Она жива. Ради Христа, гоните ее из лазарета, пока не померла.

– Но, сэр, – запыхтел второй мужчина, который и до этого проявлял доброту к девочке. – Она ударилась головой, когда упала, разве ей не надо немного отдохнуть?..

– Для отдыхающих у нас не хватит коек, прекрасно отдохнет в своей каюте.

– Я точно не знаю, из какой она...

Врач закатил глаза:

– Так спросите ее.

Мужчина с соломенными волосами понизил голос:

– Сэр. Я вам о ней говорил. Похоже, потеряла память. Может, когда упала.

Врач опустил взгляд на девочку:

– Как тебя зовут?

Девочка задумалась. Она услышала его слова, поняла, о чем он спрашивает, но почему-то не смогла ответить.

– Ну? – настаивал мужчина.

Девочка покачала головой:

– Я не знаю.

Врач раздраженно вздохнул:

– У меня нет ни времени, ни свободной койки. Ее лихорадка прошла. Судя по запаху, она из третьего класса.

– Да, сэр.

– И?.. Кто-то должен объявить ее своей.

– Да, сэр, там снаружи ждет парнишка, тот самый, который привел ее на днях. Пришел проведать, брат, наверное.

Врач выглянул за дверь, чтобы посмотреть на мальчика.

– А где родители?

– Парнишка говорит, его отец в Австралии, сэр.

– А мать?

Мужчина прочистил горло и наклонился поближе к врачу.

– Кормит рыб у мыса Доброй Надежды, сэр. Померла три дня назад, когда мы выходили из порта.

– Лихорадка?

– Да.

Врач нахмурил лоб и коротко вздохнул:

– Что ж, впустите его.

Перед ним мигом очутился паренек, тонкий как тростинка, с черными как уголь глазами.

– Твоя девочка? – спросил врач.

– Да, сэр, – ответил мальчик. – В смысле, она...

– Довольно, мне неинтересна ваша жизнь. Ее лихорадка прошла, и шишка на голове тоже. Она сейчас почти не говорит, но, конечно, скоро снова залепечет. Наверняка пытается привлечь к себе внимание, если вспомнить, что случилось с вашей матерью. Так иногда бывает, особенно с детьми.

– Но, сэр...

– Довольно.

– Да, сэр.

– Забери ее. – Он повернулся к члену экипажа. – Положите кого-нибудь на ее койку.

Девочка сидела у перил и смотрела на воду. Голубые волны с белыми гребнями вздымались под прикосновениями ветра. Море в тот день было более беспокойным, чем обычно, и она отдалась на волю качке. Девочка чувствовала себя странно, не то чтобы плохо, а просто странно. словно голову наполнил густой белый туман и не торопился рассеиваться.

Так было с тех самых пор, как она очнулась в лазарете, с тех пор, как странные мужчины осмотрели ее и отослали с мальчиком. Он отвел ее вниз в темное место, полное коек, матрасов и людей. Она никогда прежде не видела столько людей.

– Вот, – послышался голос за плечом. Это был мальчик. – Не забудь свой чемодан.

– Мой чемодан?

Девочка взглянула на предмет багажа из белой кожи.

– Господи! – Мальчик странно посмотрел на нее. – Да ты и впрямь слетела с катушек, а я думал, только притворяешься перед доктором. Только не говори, что не помнишь свой собственный чемодан! Ты всю поездку охраняла его, как львица, готова была разорвать нас на части, даже если мы просто смотрели на него. Не хотела расстраивать свою драгоценную Сочинительницу.

Незнакомое слово повисло в воздухе, и девочка ощутила кожей странные покалывания.

– Сочинительницу? – повторила она.

Но мальчик не ответил.

– Земля! – крикнул он.

Мальчик метнулся к перилам, которые тянулись вдоль палубы, и перегнулся через них.

– Земля! Ты видишь?

Девочка подошла и встала рядом, продолжая цепляться за ручку маленького белого чемодана. Она настороженно взглянула на веснушчатый нос мальчика, затем повернулась посмотреть, куда указывает его палец. Девочка увидела вдали полосу земли и растущие на ней бледно-зеленые деревья.

– Это Австралия, – сказал мальчик, во все глаза глядя на далекий берег. – Там нас ждет мой папаша.

«Австралия», – подумала девочка. Еще одно незнакомое слово.

– Там у нас начнется новая жизнь, со своим собственным домом и прочим добром и даже кусочком земли. Так пишет мой папаша, он говорит, что мы будем обрабатывать землю, начнем жизнь сначала. Так и будет, хоть мамыши и нет больше с нами.

Последнюю фразу он сказал чуть тише. Мгновение помолчал, повернулся к девочке и кивнул в сторону берега.

– Твой папаша тоже там?

Девочка задумалась.

– Мой папаша?

Мальчик закатил глаза.

– Твой отец, – пояснил он. – Тот парень, что живет с твоей мамашей. Ну знаешь, твой папаша.

– Мой папаша, – эхом повторила девочка.

Мальчик больше не слушал. Он заметил одну из своих сестер и побежал к ней, крича, что увидел землю.

Девочка кивнула, когда он ушел, хотя все еще не вполне понимала, что он имел в виду.

– Мой папаша, – неуверенно сказала она. – Там мой папаша.

Крик «Земля!» прокатился по палубе, люди начали суетиться, а девочка понесла чемодан в закуток рядом с грудой бочек, к которым ее необъяснимо тянуло. Она села и открыла чемодан, надеясь найти немного провизии. Еды не было, она достала книгу волшебных сказок, которая лежала поверх всего остального.

Корабль плыл к берегу, крохотные точки вдали превращались в чаек. Девочка развернула книгу на коленях и принялась разглядывать чудесный черно-белый рисунок женщины с оленем, что стояли бок о бок на поляне в колючем лесу. И, даже не умея читать, девочка поняла, что знает, из какой сказки эта картинка. Из сказки о юной принцессе, которая отправилась в далекий путь через море, чтобы найти спрятанное сокровище, принадлежащее тому, кого она горячо любит.

Глава 12

Над Индийским океаном, 2005 год

Кассандра прислонилась к холодному, грубому пластику салона и глянула в иллюминатор на бескрайний голубой океан. Тот самый океан, который много-много лет назад пересекла маленькая Нелл.

Кассандра никогда еще не бывала за океаном. Конечно, однажды она посетила Новую Зеландию, а перед свадьбой погостила в Тасмании у семьи Ника, но не более того. Они с Ником подумывали перебраться на несколько лет в Англию: Ник писал бы музыку для английского телевидения, а уж работы для историков искусств в Европе хватает. Но они так и не сумели осуществить свои планы, и Кассандра давным-давно похоронила эту мечту.

И вот она на борту самолета, совсем одна, летит в Европу. После разговора с Беном в антикварном центре, после того как он вручил ей фотографию дома, после того как она нашла чемодан, ничто другое уже не занимало ее мысли. Загадка, казалось, преследовала ее, Кассандра никак не могла от нее избавиться, сколько ни старалась. По правде говоря, она и не хотела, ей нравилась увлеченность этой историей, нравилось думать о Нелл, той, другой Нелл, маленькой девочке, которую она не знала.

На самом деле, даже найдя чемодан, Кассандра не собиралась лететь в Англию. Куда более разумным казалось подождать месяц-другой, посмотреть, как пойдут дела, быть может, перенести поездку на будущее. Она не могла попросту махнуть в Корнуолл, повинувшись порыву. Но потом ей приснился сон, тот самый, что время от времени снился последние десять лет. Кассандра стояла посреди поля, и во все стороны до самого горизонта – никого. Во сне не было ощущения враждебности, одна бесконечность. Обычные растения, ничего особенного, блеклая жесткая трава высотой до кончиков пальцев и легкий шелестящий ветерок.

Вначале, когда сон только начал сниться, Кассандра чувствовала, что кого-то ищет, что надо лишь пойти в нужном направлении – и она найдет. Но сколько бы раз Кассандра ни видела этот пейзаж, она так никого и не нашла. Один волнистый холм сменялся другим, она не вовремя отворачивалась; внезапно просыпалась.

Постепенно, со временем, сон изменился. Так неуловимо, так постепенно, что она и не заметила, как это произошло. Не то чтобы изменилась обстановка: физически все осталось прежним. Изменилось ощущение. Кассандра все больше теряла уверенность, что найдет того, кого ищет, пока однажды ночью не поняла: ничего нет, никто ее не ждет. Не важно, как далеко она забредет, как тщательно будет искать, отчаянно стремиться найти, она все равно одна...

Наутро опустошенность не исчезла, но Кассандра привыкла к ее приглушенному послевкусию и вела себя как обычно. Она и не подозревала, что день будет чем-то отличаться от прочих, пока не пошла в соседний торговый центр, чтобы купить хлеба на обед. По дороге Кассандра отчего-то остановилась у туристического агентства. Забавно, прежде она никогда его не замечала. Не вполне понимая, как или почему, она толкнула дверь, ступила на циновку из водорослей и увидела шеренгу консультантов, ждущих, что она спросит.

Позже Кассандра вспоминала, что в тот миг ощутила легкое удивление. Словно в конце концов стала настоящим человеком, полноценным, взаимодействующим с другими людьми. И не важно, что ей часто казалось, будто она живет полужизнью, скрываясь во мгле.

Вернувшись домой, Кассандра мгновение постояла, вновь переживая утренние события и стараясь выделить миг, когда было принято решение, вспоминала, как пошла в магазин за хлебом, а вернулась с билетом на самолет. Затем она направилась в комнату Нелл, достала из укрытия чемодан и вынула все его содержимое: книгу волшебных сказок, эскиз с подписью «Элиза Мейкпис» на обороте, тетрадь в линейку с каракулями Нелл на каждой странице.

Кассандра приготовила себе кофе с молоком и села на кровать Нелл, изо всех сил пытаясь расшифровать кошмарный почерк, перенося слова в чистую тетрадь. Она довольно хорошо разбирала рукописные записи прошлых веков (вполне естественно для торговца подержанными товарами), но старомодный почерк – это одно, у него есть свой ритм. Почерк Нелл был попросту каракулями. Намеренными, небрежными каракулями. В довершение всего тетрадь в какой-то момент пострадала от воды. Страницы склеились, вокруг сморщенных пятен появилась плесень. Если бы Кассандра поспешила, то, возможно, порвала бы страницы и навсегда уничтожила записи.

Дело продвигалось медленно, но она почти сразу поняла, что Нелл пыталась решить загадку своего происхождения.

Апрель 1975 года. Сегодня принесли белый чемодан. Я сразу поняла, что это такое.

Я притворилась равнодушной. Дуг и Филлис не знают правды, и я не хотела, чтобы они видели, как меня трясет. Я хотела, чтобы они считали, что это всего лишь папин старый чемодан, который он решил мне оставить. После того как они ушли, я довольно долго сидела и смотрела, я старалась вспомнить, кто я, откуда. Без толку, разумеется, и потому в конце концов я открыла его.

Внутри лежало папино письмо, что-то вроде извинения, а под ним остальные вещи. Детское платьице – наверное, мое, – серебряная щетка для волос. Была еще книга волшебных сказок, которую я сразу узнала. Я перевернула обложку и увидела ее, Сочинительницу. Слова вспыхнули в моей голове. Она ключ к моему прошлому, не сомневаюсь. Если я найду ее, я наконец найду себя. Ведь именно это я намерена сделать. В этой тетради я буду отмечать свой прогресс и к ее концу буду знать свое имя и причину, по которой утратила его.

Кассандра, полная тревоги, осторожно переворачивала заплесневелые страницы. Исполнила ли Нелл то, что задумала? Узнала ли, кто она? Не потому ли купила дом? Последняя запись была датирована ноябрем тысяча девятьсот семьдесят пятого, когда Нелл вернулась из Англии в Брисбен.

Я вернусь, как только улажу дела. Мне будет жалко покидать дом в Брисбене и магазин, но что они по сравнению с долгожданной истиной? А я очень близка к ней. Я знаю. Теперь, когда дом мой, я чувствую, что последние ответы не за горами. Это мое прошлое, моя суть, и я почти нашла их.

Нелл собиралась окончательно уехать из Австралии? Но почему не уехала? Что случилось? Почему она больше ничего не написала? Кассандра еще раз взглянула на дату, ноябрь тысяча девятьсот семьдесят пятого, и у нее мурашки побежали по коже. Через два месяца Нелл подбросили внучку. Обещанные неделя-две растянулись до бесконечности, навсегда.

Кассандра отложила тетрадь, ее уверенность крепла. Нелл без тени сомнения приняла родительские бразды, подарила Кассандре дом и семью, заменила мать, ни разу не обмолвившись и словом о своих планах, которые нарушил приезд внучки.

Кассандра отвернулась от иллюминатора, достала из ручной клади книгу сказок и положила ее на колени. Она не знала, отчего так стремилась взять книгу на борт. Возможно, как связь с Нелл, ведь это книга из чемодана – связь с прошлым Нелл, одна из немногих вещей, которая сопровождала маленькую девочку через моря, в Австралию. Но что-то крылось и в самой книге. Она вызывала в Кассандре те же чувства, что и давным-давно, когда она впервые нашла ее внизу, в квартире Нелл. Заголовок, иллюстрации, даже имя автора: Элиза Мейкпис. Кассандра прошептала его – и странный холод пробежал по ее позвоночнику.

Океан все так же стелился внизу, Кассандра открыла первую историю под названием «Глаза старухи» и начала читать. Эту сказку она помнила с того самого жаркого летнего дня много лет назад.

Элиза Мейкпис Глаза старухи

Давным-давно на земле, которая лежит далеко за сверкающим морем, жила принцесса, которая не знала, что она принцесса, потому что, когда она была совсем крошкой, ее королевство разграбили, а королевскую семью убили. Случилось так, что ребенком она играла в тот день за стенами замка и ничего не знала о нападении, пока ночь не начала опускаться на землю. Девочка оставила игру и обнаружила свой дворец в развалинах. Она долго брела одна-одиношенька, пока наконец не пришла в дом на краю темного леса. Когда она постучала в дверь, небо, пораженное увиденным, со злости треснуло и пролилось на землю яростным дождем.

В доме жила слепая старуха, которая пожалела девочку, решила дать ей приют и вырастить как родную. Работы у нее хватало, но никто не слышал, чтобы девочка жаловалась, ведь она была настоящей принцессой с чистым сердечком. Счастливы те, у кого много хлопот, ведь их умам не хватает времени искать горя. И потому принцесса росла, довольная жизнью. Она привыкла любить смену времен года, научилась радоваться севу и уходу за растениями. И хотя принцесса становилась красивой, она не знала об этом, ведь старуха не обладала ни зеркалом, ни тщеславием, и потому принцессе было не ведомо ни то ни другое.

Однажды вечером, когда девушке шел уже шестнадцатый год, они сидели на кухне и ужинали.

– Что случилось с твоими глазами, милая бабушка? – спросила принцесса, которую давно занимал этот вопрос.

Старуха повернулась к принцессе. На месте глаз у нее была лишь морщинистая кожа.

– У меня отняли зрение.

– Кто же?

– Когда я была девушкой, отец так любил меня, что отнял у меня глаза, чтобы я никогда не видела смерти и разрушений.

– Но, милая бабушка, ведь ты не видишь и красоты, – сказала принцесса, думая о том, какую радость доставлял ей цветущий сад.

– Не вижу, – сказала старуха. – А я так хотела бы посмотреть, как ты растешь, моя красавица.

– Разве нельзя отыскать твои глаза?

Старуха печально улыбнулась:

– Гонец должен был вернуть глаза, когда мне исполнилось шестьдесят лет, но в ту ночь прибежала ты, моя красавица, и ужасная гроза неслась за тобой по пятам, так что я не смогла его встретить.

– Разве нельзя его найти?

Старуха покачала головой:

– Гонец не мог ждать и бросил мои глаза в глубокий колодец в Стране потерянных вещей.

– Разве не можем мы отправиться за ними?

– Увы, – ответила старуха, – путь далек, и дорога вымощена опасностями и утратами.

Времена года сменяли друг друга, и старуха становилась все слабее и бледнее. Однажды днем, когда принцесса вышла набрать яблок на зиму, она увидела старуху, которая сидела в развилке яблони и плакала. Принцесса замерла от удивления, ведь она ни разу не видела, чтобы старуха проронила хотя бы слезинку. Она прислушалась и поняла, что старуха говорит с важной серо-белой птицей с полосатым хвостом.

– Мои глаза, мои глаза, – причитала она. – Смерть близка, и зрение никогда не вернется ко мне. Скажи мне, мудрая птица, как я найду дорогу в мире ином, когда не вижу себя?

Быстро и тихо принцесса вернулась в дом, она знала, что делать. Старуха отказалась от зрения, чтобы дать принцессе приют, и теперь ее доброта должна быть вознаграждена. Хотя девушка никогда не ходила дальше лесной опушки, она не медлила. Ее любовь к старухе была столь велика, что даже если выстроить в ряд все песчинки в океане, и то не измерить.

Принцесса проснулась, едва забрезжил рассвет, и отправилась в лес, не останавливаясь, пока не добралась до берега. Там она села на корабль и поплыла по широкому морю в Страну потерянных вещей.

Путь был долгим и трудным. Добравшись, принцесса огляделась в смущении – лес в Стране потерянных вещей выглядел совсем не так, как тот, к которому она привыкла. Деревья были жесткими и колючими, звери ужасными, и даже от пения птиц принцессу пробирала дрожь. Чем больше она боялась, тем быстрее бежала, пока не остановилась. Сердце колотилось в груди. Принцесса потерялась и не знала, куда идти. Она готова была отчаяться, когда важная серо-белая птица появилась перед ней.

– Меня послала старуха, – сказала птица, – чтобы охранять тебя и отвести к колодцу в Стране потерянных вещей, где ты найдешь свою судьбу.

Принцессе сразу стало легче, и она пошла за птицей. В животе у нее урчало от голода, но она не могла найти еду в этой жестокой стране. Долго ли, коротко ли, но она набрела на старую женщину, которая сидела на поваленном дереве.

– Как поживаешь, красавица? – спросила старая женщина.

– Я очень проголодалась, – ответила принцесса, – но не знаю, где найти еду.

Старая женщина показала на лес, и тут принцесса увидела, что на деревьях растут ягоды, а гроздь орехов висят на кончиках ветвей.

– Спасибо тебе, добрая женщина, – сказала принцесса.

– Я ничего не сделала, – возразила старая женщина, – только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса пошла дальше за птицей, уже более сытая, но, пока они шли, погода начала меняться, и ветер стал холодным.

Долго ли, коротко ли, но она набрела на вторую старую женщину, которая сидела на пне.

– Как поживаешь, красавица?

– Я очень замерзла, но не знаю, где найти теплую одежду.

Старая женщина показала на лес, и принцесса увидела заросли шиповника с мягчайшими, нежнейшими лепестками. Девушка укрылась в них, и ей стало намного теплее.

– Спасибо тебе, добрая женщина, – сказала принцесса.

– Я ничего не сделала, – возразила старая женщина, – только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса пошла дальше за серо-белой птицей, уже более сытая и согревшаяся, чем прежде, но у нее начали болеть ноги, ведь она так много прошла.

Долго ли, коротко ли, но принцесса набрела на третью старую женщину, которая сидела на пне.

– Как поживаешь, красавица?

– Я очень устала, но не знаю, где найти повозку.

Старая женщина показала на лес, и тут на поляне принцесса увидела блестящего коричневого оленя в золотом ошейнике. Олень подмигнул принцессе темным задумчивым глазом, и принцесса, добрая сердцем, протянула руку. Олень подошел к ней и склонил голову, чтобы она могла сесть ему на спину.

– Спасибо тебе, добрая женщина, – сказала принцесса.

– Я ничего не сделала, – возразила старая женщина, – только открыла тебе глаза и показала то, о чем ты и так знала.

Принцесса и олень следовали за серо-белой птицей все дальше и дальше в темный лес. Шли дни, и девушка начала понимать тихий и нежный язык оленя. Ночь за ночью они разговаривали, и принцесса узнала, что олень прячется от вероломного охотника, которого послала злая ведьма. Принцесса была так благодарна оленю за доброту, что поклялась спасти его от мучителей.

Однако добрые намерения принцессы потерпели крах. На следующее утро она проснулась спозаранку и обнаружила, что оленя нет на обычном месте у костра. На дереве взволнованно чирикала серо-белая птица, и принцесса быстро вскочила на ноги и пошла за ней. Глубоко забравшись в соседние колючие кусты, она услышала, как плачет олень. Принцесса поспешила к нему и увидела стрелу в его боку.

– Ведьма нашла меня, – заговорил олень. – Когда я собирал орехи для нашего путешествия, она приказала своим лучникам застрелить меня. Я бежал со всех ног как можно дальше, но здесь упал замертво.

Принцесса опустила на колени рядом с оленем, и ее горе при виде его страданий было так велико, что она начала поливать слезами тело оленя. Искренность и свет ее слез излечили его рану.

Следующие несколько дней принцесса ухаживала за оленем, и, как только он поправился, они продолжили путь на край обширных лесов. Когда путешественники наконец вышли на опушку, перед ними открылся берег сверкающего моря.

– Чуть дальше к северу, – сказала птица, – находится колодец потерянных вещей.

День подходил к концу, сгущались сумерки, но галька на берегу светилась в лунном свете, точно серебро, озаряя им путь. Они шли на север, пока на вершине отвесной черной скалы не увидели колодец. Серо-белая птица попрощалась с ними и улетела, она исполнила свой долг.

Когда принцесса и олень достигли колодца, девушка обернулась и погладила своего благородного спутника по шее.

– Ты не можешь спуститься со мной в колодец, милый олень, – сказала она, – это я должна сделать сама.

Собрав всю смелость, которая в ней была, принцесса прыгнула в устье колодца и начала падать, падать, падать на самое дно.

Девушка пролетела сквозь сны и грезы и очутилась в поле, где на солнце сверкала трава и пели деревья.

Внезапно, откуда ни возьмись, появилась прекрасная фея с сияющей улыбкой и длинными вьющимися волосами, которые сверкали, как золотые нити. Принцессе сразу стало легко на душе.

– Ты прошла долгий путь, усталая путница, – сказала фея.

– Я узнала, что могу вернуть милому другу глаза. Не видела ли ты шариков, о которых я говорю, светлая фея?

Не проронив ни слова, фея раскрыла ладонь, и на ней оказались два глаза, прекрасные глаза девушки, которая не видела зла.

– Можешь взять их, – сказала фея, – но твоей старухе они больше не понадобятся.

И прежде чем принцесса успела спросить, что фея имеет в виду, она очнулась и увидела, что лежит рядом со своим милым оленем у устья колодца. В ее руках был маленький сверток с глазами старухи.

Три месяца путники шли обратно через Страну потерянных вещей, плыли через глубокое синее море и наконец вернулись на родину принцессы. Когда они подошли к дому старухи на краю знакомого темного леса, их остановил егерь и подтвердил предсказание феи. Пока принцесса путешествовала по Стране потерянных вещей, старуха мирно скончалась.

Услышав это, принцесса заплакала, ведь ее долгие странствия закончились впустую, но олень, который был столь же мудр, сколь и добр, велел красавице перестать плакать.

– Не стоит, ведь ей не нужны были глаза, чтобы понять, кто она. Она знала, кто она, благодаря твоей любви к ней.

Принцесса была так благодарна оленю за доброту, что потянулась и погладила его по теплой морде. И в тот же миг олень превратился в прекрасного принца, а его золотой ошейник стал короной. Он рассказал принцессе, что злобная ведьма наложила на него заклятие, заключив в тело оленя до тех пор, пока прекрасная дева не полюбит его так сильно, что оплатит его судьбу.

Принц и принцесса обвенчались и жили долго, счастливо и хлопотно в маленьком домике старухи, глаза которой всегда смотрели на них из кувшина над очагом.

Глава 13

Лондон, Англия, 1975 год

Он словно сошел с небрежного рисунка. Хилый, тощий, сутулый из-за горба посередине спины. Широкие бежевые брюки с сальными пятнами липли к коленям, тонкие лодыжки стоически торчали из слишком больших ботинок, клочья белого пуха росли на наиболее плодородных участках почти лысой головы. Он походил на персонаж детской истории. Волшебной истории.

Нелл оторвалась от окна и снова изучила адрес в тетради. Вот он, записан ее собственным кошмарным почерком.

Антикварный книжный магазин мистера Снелгроува, Сесил-корт, рядом с Шафтсбери-авеню. Лучший лондонский эксперт по сказочникам и старым книгам. Возможно, знает об Элизе?

Вчера ей дали его имя и адрес в библиотеке. Библиотекари не смогли найти новых сведений об Элизе Мейкпис, но сказали, что если кто и сумеет помочь продвинуться в поисках, так это мистер Снелгроув. Не самый общительный тип, зато знает о старых книгах больше, чем кто-либо в Лондоне. Молодой библиотекарь пошутил, что этот эксперт стар, как само время, и, возможно, прочел книгу сказок, когда она только вышла из печати.

Холодный ветерок пробежал по голой шее, и Нелл потуже затянула пальто. Намеренно глубоко и свободно вдохнув, она толкнула дверь.

На косяке прозвенел латунный колокольчик, и старик повернулся, чтобы взглянуть на гостю. Толстые линзы очков отражали свет и сверкали, как два круглых зеркальца, невообразимо большие уши удерживали равновесие по бокам головы, а белая поросль оккупировала их изнутри.

Владелец магазина наклонил голову, и первой мыслью Нелл было, что он кланяется – легкий след манер былых времен. Но когда блеклые, словно стеклянные, глаза показались над оправой очков, она поняла, что старик просто пытается получше ее рассмотреть.

– Мистер Снелгроув?

– Да. – Тон раздражительного школьного директора. – Разумеется, да. Что ж, входите, не то напустите холодного воздуха.

Нелл шагнула вперед, слыша, как за ней закрывается дверь. Небольшой сквозняк прекратился, и теплый затхлый воздух снова успокоился.

– Имя? – спросил мужчина.

– Нелл. Нелл Эндрюс.

Он моргнул.

– Имя, – повторил он подчеркнуто, – книги, которую вы ищете.

– Конечно. – Нелл снова глянула в свою тетрадь. – Хотя я, вообще-то, не ищу книгу.

Мистер Снелгроув снова медленно кивнул, изобразив лишь пародию на терпение.

Нелл поняла, что он уже устал от беседы. Это застало ее врасплох, она привыкла сама разыгрывать усталость. Удивление от происходящего вызвало досадное заикание.

– Д-дело в том, – она умолкла, ловя за хвост ускользающее хладнокровие, – что у меня уже есть нужная книга.

Мистер Снелгроув резко фыркнул, его большие ноздри сжались.

– Могу ли я предположить, мадам, – сказал он, – что, если у вас уже есть нужная книга, вы не слишком нуждаетесь в моих скромных услугах? Желаю удачи.

Старик кивнул и зашаркал прочь, вновь обратившись к высоченному книжному шкафу рядом с лестницей.

Ее отослали. Нелл открыла рот. Закрыла. Повернулась к выходу. Остановилась.

Нет. Она проделала долгий путь, чтобы раскрыть свою тайну, и этот человек поможет ей узнать что-то об Элизе Мейкпис и о том, могла ли она сопровождать Нелл в Австралию в тысяча девятьсот тринадцатом году.

Выпрямившись во весь рост, Нелл прошла по половицам и встала рядом с мистером Снелгроувом. Она покашляла, довольно нарочито, и подождала.

Старик даже головы не повернул, а попросту продолжил перебирать книги на полке.

– Вы еще здесь, – наконец констатировал он.

– Да, – четко сказала Нелл. – Я прошла долгий путь, чтобы показать вам кое-что, и не намерена уходить, пока не сделаю это.

– Боюсь, мадам, – со вздохом произнес он, – что вы напрасно потратили время, а сейчас тратите мое. Я не принимаю предметы на реализацию.

У Нелл от злости запершило в горле.

– А я не собираюсь продавать свою книгу. Я только хочу, чтобы вы посмотрели на нее, потому что мне нужно мнение эксперта.

Ее щеки горели, до чего непривычно! Она редко краснела, всегда умела уберечься от нежеланных проявлений эмоций.

Мистер Снелгроув повернулся и окинул ее оценивающим взглядом – блеклым, холодным, усталым. Какое-то непонятное ей чувство слегка растянуло его губы в улыбку. Без единого слова, едва шевельнувшись, он указал ей на маленькую комнатку за прилавком.

Нелл поспешила в дверной проем. Его согласие было из тех капель доброты, что точат чужую решимость. Облегчение грозило прорвать оборону, и она полезла в сумку за старым платком, чтобы удержать предательские слезы. Да что с ней происходит? Она не эмоциональна и знает, как сохранять самообладание. По крайней мере, всегда знала. До недавних пор. До того, как Дуг принес чемодан и она нашла внутри книгу сказок с портретом. Благодаря этому она начала вспоминать события и людей: Сочинительницу, фрагменты прошлого, проглядывающие сквозь крошечные дырочки в ткани памяти.

Мистер Снелгроув закрыл за собой стеклянную дверь и побрел по персидскому ковру, потускневшему под слоем древней пыли. Он пробрался между пестрыми горами книг, которые высились на полу своеобразным лабиринтом, упал в кожаное кресло за столом, нашарил сигарету в мятой бумажной пачке и закурил.

– Ну, – слово вылетело вместе со струей дыма, – я жду. Позвольте взглянуть на вашу книгу.

Нелл завернула книгу в кухонное полотенце, когда уезжала из Брисбена. Вполне разумно – книга старая и дорогая, – и все же в тусклом свете сокровищницы мистера Снелгроува домашний уют полотенца смутил ее. Смущение, в свою очередь, переросло в досаду.

Нелл развязала шнурок и стянула ткань в красно-белую клетку, но удержалась и не затолкала ее обратно в сумку. Затем протянула книгу через стол в ждущие пальцы мистера Снелгроува.

Повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем встроенных часов. Нелл тревожно ждала, пока букинист одну за другой переворачивал страницы.

Он молчал.

Возможно, надо объяснить подробнее?

– Я, собственно, на что надеялась...

– Тихо. – Взметнулась бледная ладонь; с сигареты, зажатой меж двух пальцев, готов был осыпаться столбик пепла.

Слова застряли у Нелл в горле. Несомненно, мистер Снелгроув был самым грубым человеком, с каким ей когда-либо выпадало несчастье иметь дело, а учитывая характер некоторых ее товарищей по торговле подержанными товарами, такая характеристика значила немало. И тем не менее кто, как не он, поможет ей добыть необходимые сведения? Оставалось лишь

виновато сидеть, ждать и смотреть, как белое тело сигареты превращается в невероятно длинный столбик пепла.

Наконец пепел отвалился и бесшумно упал на пол. Присоединился к своим пыльным товарищам, умершим подобной же смертью. Нелл, никоим образом не фанатичная домохозяйка, вздрогнула.

Мистер Снелгроув в последний раз жадно затянулся и раздавил использованный сигаретный фильтр в забитой пепельнице. После целой вечности ожидания он, покашливая, заговорил:

– Где вы ее нашли?

Нелл показалось или его голос дрогнул от любопытства?

– Мне ее дали.

– Кто?

Как на это ответить?

– Полагаю, сам автор. Я точно не помню, я была совсем ребенком.

Теперь старик разглядывал Нелл с интересом. Его губы сжались и чуть дрогнули.

– Я слышал о ней, разумеется, но за всю свою жизнь, признаюсь, ни разу не видел.

Книга лежала на столе, и мистер Снелгроув легонько провел рукой по ее обложке. Его веки задрожали и опустились, он издал вздох глубокого удовлетворения, точно путник в пустыне, который дошел до воды.

Удивленная такой переменной в его поведении, Нелл откашлялась, подбирая слова.

– Так, значит, она редкая?

– О да, – тихо сказал букинист, снова открывая глаза, – да. Исключительно редкая. Всего одно издание, видите ли. Плюс иллюстрации Натаниэля Уокера. Это одна из весьма немногих книг, над которыми он вообще работал.

Старик открыл обложку и уставился на рисунок.

– Удивительная редкость, спору нет.

– А что насчет автора? Вы знаете что-нибудь об Элизе Мейкпис? – Нелл в надежде заатила дыхание, когда он сморщил крупный нос. – Она такая неуловимая. Я разузнала лишь самые незначительные подробности.

Мистер Снелгроув с трудом встал и жадно посмотрел на книгу, прежде чем повернуться к небольшой деревянной картотеке на полке за спиной. Ящички были маленькими, и, когда букинист вытянул один, Нелл увидела, что он под завязку набит небольшими прямоугольными карточками. Старик пролистывал их, бормоча себе под нос, и наконец вытащил одну.

– А, вот она. – Губы мистера Снелгроува шевелились, пока он просматривал карточку, наконец он заговорил громче: – Элиза Мейкпис... рассказы появлялись в различных журналах... Всего один опубликованный сборник, – он стукнул пальцем по книге Нелл, – вот он перед нами... крайне мало научных работ о ней... Кроме... Ага!

Нелл села прямее.

– Что? Что вы нашли?

– Статью, книгу, в которой упоминается ваша Элиза. Она содержит небольшую биографию, насколько я помню. – Старик побрел к книжному шкафу, который протянулся от пола до потолка. – Довольно свежая, всего девять лет. Согласно моей заметке, она должна храниться где-то... – Он провел пальцем по четвертой полке, помедлил, провел чуть дальше и остановился. – Здесь.

Мистер Снелгроув заворчал, доставая книгу, сдул пыль с обложки, затем перевернул ее и прищурился на корешок: «Волшебные сказки и их создатели конца XIX века» доктора Роджера Мак-Уильямса. Он лизнул палец и обратился к содержанию, просматривая список.

– Вот она, Элиза Мейкпис, страница сорок семь.

Он толкнул раскрытую книгу по столу к Нелл.

Ее сердце колотилось, пульс подрагивал под кожей. Горячо, совсем горячо. Нелл неловко пролистала страницы до сорок седьмой, прочла имя Элизы наверху.

Наконец она чего-то добилась, нашла биографию, которая облечет плотью человека, с ней связанного.

– Благодарю вас, – прошептала Нелл, слова застревали у нее в горле. – Благодарю вас. Мистер Снелгроув кивнул, смущенный ее благодарностью. Он указал на книгу Элизы.

– Полагаю, вы не ищете для нее добрых рук?

Нелл чуть улыбнулась и покачала головой:

– Боюсь, я не смогу с ней расстаться. Это фамильная ценность.

Зазвонил колокольчик. По ту сторону стеклянной двери кабинета стоял юноша и неуверенно глядел на башни провисших полок.

Мистер Снелгроув резко кивнул.

– Что ж, если передумаете, вы знаете, где меня найти. – Глядя на нового посетителя поверх очков, он фыркнул. – Почему они всегда держат дверь открытой?

Старик побрел обратно в магазин.

– «Волшебные сказки и их создатели» стоят три фунта, – сообщил он, проходя мимо стула Нелл. – Можете недолго посидеть здесь со всеми удобствами, только не забудьте оставить плату на прилавке, когда будете уходить.

Нелл кивнула в знак согласия и, когда дверь за ним закрылась, принялась читать с колотящимся сердцем.

«Элизу Мейкпис, писательницу первого десятилетия двадцатого века, лучше всего помнят по волшебным сказкам, которые регулярно появлялись в разных журналах с 1907-го по 1913 год. Принято считать, что она сочинила тридцать пять историй, хотя этот список далеко не полон. Жаль, что подлинный объем ее наследия может навсегда остаться неизвестным. Иллюстрированный сборник волшебных сказок Элизы Мейкпис был опубликован лондонской типографией „Хоббинс и К^о“ в августе 1913 года. Книга хорошо продавалась, была благосклонно принята критикой. Газета „Таймс“ описала сборник как обладающий „странным обаянием, пробудившим в критике чарующие и порой пугающие воспоминания детства“. Иллюстрации Натаниэля Уокера были отмечены особо, некоторые относят их к числу лучших работ художника¹². Они стали отступлением от портретов, в качестве автора которых он преимущественно известен сегодня.

Собственная история Элизы, родившейся в Лондоне, началась 1 сентября 1888 года. Записи рождений за тот год свидетельствуют, что у Элизы был близнец. Первые двенадцать лет ее жизни прошли в многоквартирном доме на Баттерси-Бридж-роуд, тридцать пять. Родословная писательницы куда более запутанна, чем позволяет предположить ее скромное происхождение. Ее мать, Джорджиана, родилась в аристократической семье, обитавшей в Чёренгорб-мэнор в Корнуолле. В возрасте семнадцати лет Джорджиана Мунтраше сбежала из семейного поместья с молодым человеком намного ниже ее по положению, чем вызвала скандал в обществе.

Отец Элизы, Джонатан Мейкпис, родился в Лондоне в 1866 году в семье уличного торговца с Темзы. Он был пятым из девяти детей и вырос в трущобах за лондонскими доками. Хотя он умер в 1888-м, еще до рождения дочери, опубликованные сказки Элизы, по-видимому, имеют отношения к событиям, которые могли происходить с молодым Джонатаном Мейкписом во время его детства. Например, в „Проклятии реки“ мертвец на волшебной виселице, скорее всего, списан со сцен, которые Джонатан Мейкпис наблюдал мальчиком в Доках смерти.

---

¹² См.: *Коллинз Томас Р.* Эскизы прошлого («Гамильтон Хадсон», 1959); *Койт Реджисальд.* Знаменитые иллюстраторы («Уиклиф пресс», 1964). (Прим. автора.)

Логично предположить, что эти истории, приукрашенные быть может, были переданы Элизе ее матерью и осели в памяти писательницы до того момента, когда она начала писать.

Остается загадкой, как сын бедного лондонского торговца встретил и покори́л знатную Джорджиану Мунтраше. Поскольку причина тайного бегства скрывалась Джорджианой, она не оставила свидетельств событий, приведших к ее отъезду. К тому же усилия, приложенные ее семьей, чтобы замаять скандал, помешали узнать правду. В газетах почти нет упоминаний о случившемся. Необходимо просмотреть письма и дневники современников, чтобы найти упоминания об этой истории, ставшей в свое время притчей во языцех. В свидетельстве о смерти Джонатана указана профессия «моряк», однако точная природа его занятий неизвестна. Лишь умозрительные построения позволяют вашему покорному слуге предположить, что, быть может, именно морские странствия ненадолго привели Джонатана к скалистым берегам Корнуолла. Возможно, именно в бухте фамильного поместья рыжеволосая дочь лорда Мунтраше, славящаяся красотой по всему графству, и встретила молодого Джонатана Мейкписа.

Какими бы ни были обстоятельства этой встречи, любовь между ними не вызывает сомнений. Увы, юной паре не суждено было насладиться годами счастья. Должно быть, внезапная и необъяснимая смерть Джонатана менее чем через десять месяцев после тайного бегства нанесла Джорджиане Мунтраше непоправимый удар. Она осталась в Лондоне совсем одна, в ожидании близнецов, без мужа, без семьи и средств к существованию. Однако Джорджиана не привыкла опускать руки: она не приняла во внимание осуждение своего социального класса и после рождения близнецов отказалась от фамилии Мунтраше. Она зарабатывала на жизнь составлением рекламных объявлений для юридической фирмы „Г. Д. Блэкуотер и партнеры“, „Линкольновский инн“¹³, Холборн.

Есть свидетельства, что бойкое перо Джорджианы было даром, которому она нашла широкое применение в юности. Семейные дневники, пожертвованные Мунтраше в 1950 году Британской библиотеке, содержат множество театральных афиш с аккуратным текстом и изысканными иллюстрациями. Уголок каждой афиши „художник“ подписывал крохотными буквами. Любительские постановки были тогда популярны во многих аристократических домах, однако в Чёренгорбе восьмидесятых годов девятнадцатого века афиши, быть может, создавались чаще и старательнее, чем обычно.

О лондонском детстве Элизы известно мало, не считая дома, в котором она родилась и провела первые годы. Можно, однако, утверждать, что ее жизнью управляла бедность, и она рано постигла науку выживания. По всей вероятности, в конце концов Джорджиану погубила чахотка, которая начала ее преследовать в середине девяностых. Если ее болезнь развивалась обычным путем, к концу десятилетия одышка и общая слабость должны были препятствовать постоянной работе. Несомненно, выплаты за рекламные объявления для „Г. Д. Блэкуотера“ подтверждают эту хронологию угасания.

Официальных свидетельств того, что Джорджиана искала медицинской помощи, нет, к тому же боязнь врачебного вмешательства была распространена в ту эпоху. В восьмидесятых годах девятнадцатого века туберкулез в Великобритании стал подлежать регистрации, и практикующие врачи были законодательно обязаны сообщать о случаях болезни властям. Городская беднота, опасаясь высылки в санатории (которые обычно больше походили на тюрьмы), не спешила искать помощи. Болезнь матери, должно быть, оказала огромное влияние на Элизу как в практическом, так и в творческом отношении. Скорее всего, ей приходилось вносить материальный вклад в домашнее хозяйство. Девушки в викторианском Лондоне выполняли разнообразную черную работу: домашней прислуги, разносчиков, торговков апельсинами. Описание гладильных прессов и горячих кадок в некоторых волшебных сказках Элизы позволяет

---

¹³ «Линкольновский инн» – одна из четырех английских школ подготовки барристеров, адвокатов, имеющих право выступать в высших судах.

предположить, что она не понаслышке была знакома с обязанностями прачки. Вампироподобные существа в „Волшебной охоте“ также могут отражать поверье начала девятнадцатого века, гласившее, что жертвы чахотки становятся вампирами: чувствительность к яркому свету, опухшие красные глаза, очень бледная кожа и характерный кровавый кашель – вот симптомы, питавшие это поверье.

Пыталась ли Джорджиана связаться со своей семьей после смерти Джонатана или после ухудшения собственного здоровья, неизвестно. Однако, по мнению вашего покорного слуги, это маловероятно. Несомненно, письмо Лайнуса Мунтраше партнеру, датированное декабрем 1900 года, позволяет предположить, что он лишь недавно узнал об Элизе, своей маленькой лондонской племяннице, и был шокирован тем, что она провела десять лет в столь ужасных условиях. Возможно, Джорджиана боялась, что семья Мунтраше не захочет простить ее давнее бегство. Если судить по письму ее брата, подобный страх не имел под собой никаких оснований.

„После бесконечных лет, проведенных в дальних странах, где я исходил все моря и земли, узнать, что моя любимая сестра все это время была так близко! И позволить ей перенести подобные лишения! Когда я поведаю тебе о ее характере, увидишь, что я не лгу. Как мало, видно, думала она о том, что мы всем сердцем ее любим и не желаем ничего иного, кроме как ее благополучного возвращения домой...“

Хотя Джорджиана так и не возвратилась, Элизе было предназначено вернуться в лоно материнской семьи. Джорджиана Мунтраше умерла в июне 1900-го, когда Элизе было одиннадцать. В свидетельстве о смерти указана причина – чахотка – и возраст – тридцать лет. После смерти матери Элиза стала жить с ее семьей на побережье Корнуолла. Неясно, как осуществилось это воссоединение, однако можно смело предположить, что, несмотря на несчастливые обстоятельства, повлекшие возвращение под опеку родных, для юной Элизы подобная перемена места была счастливейшим из случаев. Переезд в Чёренгорб-мэнор с его величественным особняком и садами, должно быть, принес покой и желанное облегчение после опасностей лондонских улиц, на которых Элизе приходилось выживать. Разумеется, море стало мотивом обновления и возможного искупления в ее волшебных сказках.

Известно, что Элиза жила в семье родного дяди до двадцати четырех лет, однако ее дальнейшее местопребывание остается тайной. Было предложено немало гипотез о ее жизни после 1913 года, но ни одна из них пока не доказана. Некоторые историки предполагают, что она, по всей вероятности, пала жертвой эпидемии скарлатины, которая прокатилась по побережью Корнуолла в 1913 году, другие, пораженные загадочной публикацией в 1936-м ее последней сказки „Полет кукушки“ в журнале „Литературные судьбы“, утверждают, что она всю жизнь путешествовала в поисках приключений, в полном соответствии с духом своих волшебных историй. Этот интригующий вопрос еще ждет серьезного академического исследования, и, несмотря на подобные теории, судьба Мейкпис, равно как и дата ее смерти, остаются одной из литературных тайн.

Существует портрет Элизы Мейкпис, написанный углем, авторства известного викторианского портретиста Натаниэля Уокера. набросок, озаглавленный „Сочинительница“ и найденный после его смерти среди неоконченных работ, в настоящее время экспонируется в коллекции Уокера в лондонской галерее Тейт. Хотя Элиза Мейкпис опубликовала всего один сборник волшебных сказок, ее работы полны метафорического и социологического своеобразия и заслуживают изучения. В то время как ранние сказки („Подменыш“) несут следы сильного влияния европейской сказочной традиции, более поздние („Глаза старухи“) предлагают оригинальный и, возможно, автобиографичный подход. Однако, как и многие писательницы первого десятилетия двадцатого века, Элиза Мейкпис пала жертвой культурного сдвига, который возник после важнейших мировых событий начала века (Первая мировая война и избирательные права женщин – лишь два из них), и ускользнула от внимания читателей. Многие

ее истории были потеряны для литературы во время Второй мировой войны, когда Британская библиотека лишилась огромного количества наименее популярных изданий. В результате Элиза и ее волшебные сказки относительно неизвестны в наши дни. Ее работы, как и саму писательницу, по-видимому, затянуло в водоворот времени, и они утрачены для нас, как и многие другие призраки первых десятилетий двадцатого века».

Глава 14

Лондон, Англия, 1900 год

Высоко над тряпичной лавкой мистера и миссис Суинделл, в тесном домике рядом с Темзой, была крохотная комнатка. По правде говоря, немногим больше кладовки. В ней было темно и сыро, пахло затхлостью (вполне естественно, учитывая плохую канализацию и отсутствие вентиляции), выцветшие стены трескались летом и сочились влагой зимой, а труба камина забила так давно, что казалось невежливым предполагать, будто прежде все было иначе. Тем не менее, несмотря на убожество, комнатка над лавкой Суинделлов была единственным домом, какой знали Элиза Мейкпис и ее брат-близнец Сэмми, крохотным островком защиты, уверенности в жизни детей, лишенных и того и другого. Они родились в ужасное время, и старшая, Элиза, с каждым днем все меньше сомневалась, что именно время сделало ее той, кем она была. Потрошитель стал первым из множества врагов в ее жизни.

В комнатке наверху Элизе больше всего нравилась (да что там, единственное, что в ней было хорошего, не считая возможности укрыться) трещина между двумя кирпичами, расположенная над старой сосновой полкой. Девочка была бесконечно счастлива, что небрежность давно канувшего в Лету строителя, вкупе с упорством местных крыс, подарила ей отличную широкую щель в известковом растворе. Если Элиза лежала на животе, вытянувшись вдоль полки, прижав глаз к кирпичам и чуть задрав голову, то видела изгиб реки. Со своего секретного наблюдательного пункта она незримо следила за приливами и отливами хлопотливой повседневной жизни. Так достигались оба идеала Элизы: она могла видеть и оставаться невидимой. Ведь хоть ее собственное любопытство и не знало границ, Элиза не любила, когда за ней подсматривали. Она понимала, что пристальное внимание может быть опасно, что иной взгляд подобен воровству. Элиза знала это, потому что сама больше всего любила хранить увиденные образы в сознании, проигрывать, озвучивать, раскрашивать их по своему желанию. Она вплетала их в страшные истории – полеты фантазии, которые ужаснули бы людей, послуживших ей невольными вдохновителями.

А выбрать было из кого. Жизнь на изгибе Темзы никогда не замирала. Река была лондонским кровотоком, то переполнялась, то мелела, чередуя бесконечно приливы с отливами, равно несла добро и зло, в город и из него. Элизе нравилось, когда угольщики приплывали с приливом, лодочки перевозили людей с одного берега на другой, звучали команды, с кораблей носили грузы. Но по-настоящему река оживала в отлив. Ее уровень опускался настолько, что мистер Хэкман и его сын принимались вытаскивать тела с набитыми карманами, грязекопы занимали свои участки, прочесывая вонючий ил в поисках веревок, костей и медных гвоздей, чего угодно, лишь бы удалось обменять на монеты. У мистера Суинделла была собственная команда грязекопов и свой участок дна, илистый квадрат, который он охранял, точно в нем скрывалось золото самой королевы. Те, кто осмеливался пересечь границы участка, имели все шансы подставить мокрые карманы загребушим рукам мистера Хэкмана в следующий отлив.

Мистер Суинделл не отставал от Сэмми, требуя присоединиться к грязекопам. Он говорил, что мальчик должен при любой возможности платить за милости хозяина. Ведь хотя Сэмми и Элизе вместе удавалось наскрести достаточно, чтобы рассчитаться за аренду, мистер Суинделл никогда не позволял им забыть, что их свобода зависит от его готовности не сообщать властям о недавней перемене в обстоятельствах близнецов.

– Благотельницам, шарящим вокруг, очень бы хотелось узнать, что двое сироток вроде вас остались совсем одни в большом жестоком мире. Очень, очень хотелось бы, – постоянно повторял он. – По закону надо было выдать вас, едва ваша мамаша вздохнула последний раз.

– Да, мистер Суинделл, – соглашалась Элиза. – Спасибо, мистер Суинделл. Спасибо вам и за это тоже.

– Пфф. Ты тоже смотри не забывай. Если б не добрые сердца меня и моей хозяйки, вас бы тут не было.

Затем он скашивал глаза к кончику дрожащего носа и силой одной лишь собственной скарденности сужал зрачки.

– Так что если наш дружок, который так чудесно умеет искать, найдет подход к моему участку дна, я, пожалуй, поверю, что мы не зря вас держим. В жизни не встречал парня с лучшим нюхом.

Он был прав. Сэмми обладал даром отыскивать сокровища. С тех пор как он был совсем крошкой, прелестные вещички, казалось, сами сбивались с пути истинного, чтобы лечь ему под ноги. Миссис Суинделл называла это дурацким счастьем, говорила, что Господь хранит дураков и пьяных, но Элиза знала, что та ошибается. Сэмми – не дурак, просто он видит лучше, чем другие, потому что не тратит время на разговоры. Ни словечка, ни разу. Ни разу за все двенадцать лет. Он не испытывал потребности говорить даже с Элизой. Она всегда знала, что думает и чувствует ее брат, всегда. В конце концов, он ее близнец, они две половинки единого целого.

Девочка догадывалась, что Сэмми просто боится речного ила, и, хотя Элиза не разделяла страхи брата, она понимала их. Воздух становится другим, когдаходишь к краю воды. Что-то в испарениях ила, пикировании птиц, странном плеске волн о стены тоннеля, вырытого меж древних берегов реки...

Еще Элиза знала, что присматривать за Сэмми – ее долг, и не только потому, что мать постоянно напоминала ей об этом. (Мать, бог знает почему, считала, что плохой человек, имя которого она ни разу не назвала, рыщет вокруг и хочет их найти.) Даже когда они были совсем маленькими, еще до того, как Сэмми подхватил лихорадку и едва не умер, Элиза чувствовала, что нужна ему больше, чем он ей. Что-то в поведении делало его уязвимым. Когда они были маленькими, дети вокруг пользовались этим. Когда они выросли – взрослые видели эту особенность Сэмми. Они как-то чувствовали, что на самом деле он не один из них.

И были правы, он подменьш. Элиза знала все о подменьшах. Она прочла о них в книге волшебных сказок, которая на время задержалась в тряпичной лавке. Еще в книге были картинки. Феи и духи, которые выглядели совсем как Сэмми с его тонкими рыжевато-золотистыми волосами, длинными тонкими руками и ногами, круглыми голубыми глазами. Мать говорила, что Сэмми своей невинностью и покоем отличался от других детей с момента рождения. Она рассказывала, что, когда Элиза сморщила маленькое красное личико и завопила, требуя еды, Сэмми не проронил ни звука. Он лежал в своем ящике и внимал, точно прекрасная музыка доносилась с ветерком, которую никто, кроме него, не мог слышать.

Элиза сумела убедить хозяев, что Сэмми не стоит становиться грязекопом, что ему лучше прочищать трубы для мистера Саттборна, даже если предположить, что ее брат может найти в иле нечто ценное. Девочка напомнила им, что не многие мальчишки его возраста чистят трубы, так как приняты законы против детей-чистильщиков. Но кто может прочистить узкие трубы вдоль Кенсингтонской дороги лучше тощего мальчишки с острыми локтями, словно созданными, чтобы карабкаться по темным и пыльным тоннелям? Благодаря Сэмми мистер Саттборн не сидел без заказов, а уж о денежном ручейке и говорить нечего. Пока что Суинделлов удавалось убедить – им нравились монеты Сэмми ничуть не меньше, чем мамины, когда та была жива и рисовала объявления для мистера Блэкуотера, – но Элиза сомневалась, сможет ли и дальше удерживать их. Жадность особенно застила глаза миссис Суинделл, которая любила произносить завуалированные угрозы, бормотать о «благодетельницах», которые шастают вокруг и ищут «мусор», чтоб смести его в работные дома.

Миссис Суинделл боялась Сэмми. Для нее страх всегда был естественной реакцией на то, что выше ее понимания. Элиза однажды подслушала, как та шепталась с миссис Баркер, женой грузчика угля. Они судачили, будто миссис Тевер, повивальная бабка, которая приняла

близнецов, рассказала миссис Суинделл, что Сэмми родился с пуповиной на шее. «Не пережил бы и первой ночи, первый вздох стал бы его последним, если б не нечистая сила. То дьявольские козни, – сказала она. – Мать мальчика заключила сделку с Сатаной. Вы только поглядите на него – ишь как глаза в самое нутро, а сам и не шевелится, не то что другие парни его возраста. Да что там говорить, с Сэмми Мейкписом что-то крепко не так».

Из-за подобных слухов Элиза еще больше стремилась защитить Сэмми. Иногда по ночам, когда она лежала в кровати и слушала, как Суинделлы скандалят, а их маленькая дочка Хэтти орет что есть мочи, она развлекалась, представляя, как с миссис Суинделл происходят разные ужасы. Как она случайно падает в огонь, когда стирает, или попадает под каток для глажки и тот давит ее, или тонет в баке кипящего жира, головой вниз, и только тощие ноги торчат наружу свидетельством ужасного конца...

Помяни дьявола – и он появится. Из-за угла Баттерси-Бридж-роуд показалась миссис Суинделл с заплечным мешком, туго набитым добычей. Она возвращалась домой после удачной охоты на маленьких девочек в красивых платьицах. Элиза оторвалась от трещины, поползла по шкафу и спустилась по краю трубы.

Работа Элизы заключалась в стирке платьев, которые приносила миссис Суинделл. Иногда девочка кипятила платья на огне, стараясь не порвать тонкое, как паутина, кружево, и гадала, о чем думали эти маленькие девочки, когда видели, как миссис Суинделл машет им конфетным мешком, набитым блестящими осколками цветного стекла. Обычно девочки даже не рассматривали мешок, чтобы распознать обман. И они не боялись. Заманив их в пустынную аллею, миссис Суинделл так быстро снимала с девочек красивые платьица, что они даже не успевали закричать. Элиза думала, что им потом снились кошмары вроде тех, что снились ей о Сэмми, застрявшем в трубе. Ей было жалко девочек – миссис Суинделл на охоте поистине страшное зрелище, – но они сами были виноваты. Не надо жадничать, все время хотеть больше, чем уже имеешь. Элизу неизменно изумляло, что девочки, рожденные для больших домов, роскошных колясок и кружевных платьиц, становились жертвами миссис Суинделл всего лишь за пакет леденцов. Счастье еще, что они теряли лишь платьица да немного душевного спокойствия. В темных аллеях Лондона можно потерять намного больше.

Внизу хлопнула входная дверь.

– Ты где, девчонка?

Голос, жаркий клубок злобы, покатился вверх по лестнице. Сердце Элизы екнуло, когда он коснулся ее: охота выдалась неудачной, а значит, обитателям Баттерси-Бридж-роуд, тридцать пять, не поздоровится.

– Спускайся и приготовь ужин, не то выпорю.

Элиза поспешила вниз по лестнице, в тряпичную лавку. Ее взгляд быстро скользнул по тусклой коллекции бутылок и коробок, низведенных темнотой до геометрических диковин. Еще одна мрачная тень двигалась рядом с прилавком. Миссис Суинделл согнулась и принялась рыться у себя в мешке, точно краб, перелопачивая груды платьиц с кружевами.

– Ну, что стоишь, тарачишься, как твой идиот-братец?! Зажги лампу, глупая девчонка!

– Похлебка на плите, миссис Суинделл, – сказала Элиза, метнувшись зажечь газ. – И платья почти высохли.

– Да уж, наверное. День за днем я выхожу на улицу, стараясь заработать денег, а ты только стираешь, и все. Иногда мне кажется, что лучше бы самой это делать. Вышвырнуть вас с братцем к чертовой матери. – Она гадко вздохнула и уселась в кресло. – Ладно, иди сюда и сними мне туфли.

Когда Элиза встала на колени, разминая узкие туфли, чтобы распустить шнуровку и снять их, дверь снова отворилась. За ней стоял Сэмми, черный и пыльный. Не проронив ни слова, миссис Суинделл протянула костлявую руку и шевельнула пальцами.

Сэмми полез в передний карман рабочих брюк, достал две золотые монеты и положил их на ладонь хозяйки. Миссис Суинделл подозрительно осмотрела монеты, затем оттолкнула Элизу потной ногой в чулке и похромала к копилке. Покосившись через плечо, она достала ключ из-за ворота блузки и отперла замок. Затем положила новые монеты поверх других и, причмокивая влажными губами, пересчитала общее количество.

Сэмми подошел к плите, и Элиза принесла пару мисок. Они никогда не ели с Суинделлами. Миссис Суинделл говорила, что нечего им мнить себя частью семьи. В конце концов, они наемные помощники, скорее слуги, чем жильцы. Элиза зачерпнула похлебки, налила ее через решето, как настаивала миссис Суинделл: нечего изводить мясо на двух неблагодарных негодников.

– Ты устал, – прошептала Элиза. – Ты так рано начал сегодня утром.

Сэмми покачал головой, он не любил, когда сестра беспокоилась.

Элиза глянула на миссис Суинделл, убедилась, что та по-прежнему стоит спиной, и подсунула в миску Сэмми маленький кусочек окорока.

Он осторожно улыбнулся, его круглые глаза встретились с глазами Элизы. Когда она видела брата таким, с плечами, поникшими после дня тяжелой работы, с лицом, измазанным золой из труб богачей, благодарным за кожистый кусочек окорока, ей хотелось обнять его маленькое тельце и никогда не отпускать.

– Так-так. Что за милая картинка! – произнесла миссис Суинделл, захлопывая крышку копилки. – Бедный мистер Суинделл роется в грязи, ищет, чем бы набить ваши неблагодарные пасти, – она указала корявым пальцем в сторону Сэмми, – а молодой парень, такой как ты, болтается без дела в доме. Неправильно это, по мне, так совсем неправильно. Когда благодетельницы вернутся, я обязательно так им и скажу.

– У мистера Саттборна есть для тебя работа на завтра, Сэмми? – быстро спросила Элиза.

Сэмми кивнул.

– А на послезавтра?

Снова кивнул.

– Это еще две монеты на этой неделе, миссис Суинделл.

Ах, каким кротким сумела она сделать свой голос! Но все без толку.

– Нахалка! Как ты смеешь дерзить! Если бы не мы с мистером Суинделлом, вы, сопливые ничтожества, давно бы драили полы в работном доме.

Элиза затаила дыхание. Перед самой смертью мать взяла с миссис Суинделл обещание, что Сэмми и Элизе будет позволено оставаться жильцами, пока они смогут вносить арендную плату и помогать по хозяйству.

– Но, миссис Суинделл, – осторожно начала Элиза, – мама сказала, что вы пообещали...

– Пообещала? Пообещала? – От злости у нее слюна вспенилась в уголках рта. – Я тебе пообещаю. Я пообещаю пороть тебя до того дня, когда ты сесть не сможешь!

Она внезапно вскочила и потянулась к кожаной плетке, висевшей у двери.

Элиза спокойно стояла, хотя сердце ее колотилось.

Миссис Суинделл шагнула вперед, затем остановилась, ее губы тряслись от припадка жестокости. Не проронив больше ни слова, она повернулась к Сэмми.

– Ты, – сказала она. – Иди сюда.

– Нет, – быстро возразила Элиза, ее взгляд метнулся на лицо Сэмми. – Нет, простите, миссис Суинделл. Я вам надерзила, вы правы. Я... я исправлюсь. Я завтра подмету магазин, я отдраю переднее крыльцо, я... я...

– Вычистишь уборную и выведешь крыс на чердаке.

– Да, – кивнула Элиза. – Все сделаю.

Миссис Суинделл держала кожаную плетку перед собой параллельно полу. Она смотрела исподлобья, переводя взгляд с Элизы на Сэмми и обратно. Наконец отпустила один конец плетки и повесила ее на место у двери.

Элиза испытала головокружительное облегчение.

– Спасибо, миссис Суинделл.

Чуть дрожащей рукой девочка передала миску похлебки Сэмми и взяла черпак, чтобы налить себе.

– Стой, – велела миссис Суинделл.

Элиза подняла взгляд.

– Ты, – миссис Суинделл указала на Сэмми. – Вычисти новые бутылки и расставь их в шкафу. Никакой похлебки, пока не сделаешь.

Она повернулась к Элизе.

– А ты, девчонка, иди наверх, с глаз моих долой. – Ее тонкие губы тряслись. – Обойдешься сегодня без ужина. Еще мне не хватало кормить бунтовщиков.

Раньше Элиза любила представлять, что отец однажды придет и освободит их. После «Матери и Потрошителя» «Храбрый отец» был любимой историей Элизы. Иногда, когда прижатый к кирпичам глаз начинал болеть, она просто лежала на спине на верхней полке и воображала своего доблестного отца. Она говорила себе, что мать ошиблась, что он вовсе не утонул в море, а отправился в важное путешествие и когда-нибудь вернется, чтобы спасти их от Суинделлов.

Хотя Элиза прекрасно знала, что фантазирует, что шансов увидеть отца не больше, чем фей и гоблинов, выходящих из щелей между кирпичами камина, это не затмевало радости, которую она испытывала, представляя его возвращение. Она не сомневалась, что отец прибудет к Суинделлам на лошади, а не в какой-нибудь коляске. На черной лошади с блестящей гривой и длинными мускулистыми ногами. И все прохожие оставят свои дела и уставятся на всадника, ее отца, прекрасного, в черном верховом костюме. Миссис Суинделл высунет свое жалкое длинное узкое лицо из-за веревки, на которой сушатся красивые платяца, награбленные утром, и позовет миссис Баркер посмотреть на происходящее. Они узнают наконец, что папа Элизы и Сэмми приехал их спасти. Он отвезет их к реке, где будет ждать его корабль, и они поплывут по океану в далекие края, названий которых она никогда не слышала.

Иногда, в тех редких случаях, когда Элизе удавалось упросить мать тоже что-нибудь рассказать, та говорила об океане. Ведь она видела его своими глазами и потому могла добавить к рассказам дочери чудесные звуки и запахи – грохот волн, соленый воздух, крошечные песчинки, такие непохожие на вязкий черный ил речного дна. Мать не часто присоединялась к рассказам. Обычно она их не одобряла, особенно сказку об отце-герое.

– Ты должна понять разницу между сказками и действительностью, милая Лиза, – увещевала она. – Волшебные сказки слишком быстро кончаются. Они скрывают, что случается потом, когда принц и принцесса сходят со страниц.

– О чем ты, мама? – спрашивала Элиза.

– Что с ними случится, когда им придется искать в мире свой путь? Зарабатывать деньги и избегать мирского зла?

Элиза так и не поняла. Что за глупый вопрос? Хотя матери она этого не сказала. Это же принцы и принцессы, им не нужно искать путь в мире, только путь до своего волшебного замка.

– Не вздумай ждать, пока кто-нибудь тебя спасет, – продолжала мать с задумчивым видом. – Девушка, которая ждет помощи, никогда не научится сама себя спасать. Даже найдись у нее средства, ей не хватит отваги. Не будь такой, Элиза. Ты должна отыскать в себе смелость, научиться спасать себя, никогда ни на кого не полагаясь.

Одна, в комнате наверху, кипит от отвращения к миссис Суинделл и от злости на собственное бессилие, Элиза заползла в навсегда потухший камин. Медленно, осторожно она вытянулась в струнку, раскрытой ладонью нашарила свободный кирпич и вытянула его. Пальцы девочки нащупали в небольшом углублении прохладную поверхность и скругленные края маленькой глиняной горшочницы. Стараясь не послать эхо вниз по трубе, прямо в любопытные уши миссис Суинделл, Элиза вытащила горшочек.

Горшочница принадлежала матери, но она годами хранила ее в секрете. За несколько дней до смерти, в редкий миг просветления, мать рассказала Элизе о тайнике. Она попросила достать его содержимое, и Элиза повиновалась, принесла глиняный горшочек к постели матери, глядя во все глаза на загадочную вещицу.

Напряжение покалывало кончики пальцев Элизы, когда она ждала, пока мать откроет крышку. Ее движения в последние дни жизни были неловкими, а крышку крепко держала восковая печать. Наконец она отломилась от основания.

Элиза изумленно раскрыла рот. В горшочнице лежала брошка, от одного вида которой по противоположному лицу миссис Суинделл заструились бы жаркие слезы. Брошка была размером с пенни, по ее узорчатому ободку выстроились драгоценные камни, красные, зеленые, сверкающие белые.

Элиза сначала подумала, что брошка краденая. Конечно, мать не воровка, но откуда тогда появилось восхитительное сокровище? Где она его взяла?

Так много вопросов, но при этом ей не хватало смелости заговорить. Да и незачем: мать не слушала. Она смотрела на брошку с таким лицом, какого Элиза никогда не видела прежде.

– Эта брошь мне дорога, – наконец произнесла она. – Очень дорога.

Мать сунула горшочек в руки дочери, словно больше не в силах была к нему прикоснуться.

Горшочница была покрыта глазурью, гладкая и прохладная на ощупь. Элиза не знала, что и ответить. Брошь, странное лицо матери... все было так неожиданно.

– Ты знаешь, что это, Элиза?

– Брошь, мама. Я видела такие на богатых дамах.

Мать слабо улыбнулась, и Элиза подумала, что, видимо, неверно ответила.

– Или, может, кулон? Без цепочки?

– Твоя первая догадка верна, Элиза. Это брошь, особая брошь. – Она сжала руки. – Ты знаешь, что находится за стеклом?

Элиза взглянула на узор золотисто-рыжих нитей.

– Гобелен?

Мать снова улыбнулась:

– В некотором роде, но он сплетен не из нитей.

– Но я вижу нити, они перевиты вместе, так что получилась веревочка.

– Это пряди волос женщин нашей семьи. Моей бабушки, моей прабабушки и так далее.

Это фамильная драгоценность, она называется брошью утрат.

– Потому что ее надевают только по утрам?

Мать погладила кончик косы Элизы.

– Потому что она напоминает о тех, кого мы утратили. Тех, кто жил до нас и сделал нас теми, кто мы есть.

Элиза серьезно кивнула, интуитивно понимая, что ей оказано особое доверие.

– Брошь очень дорого стоит, Элиза, но я так и не смогла ее продать. Я вновь и вновь становилась жертвой собственной сентиментальности, но это не должно тебя остановить.

– Мама?

– Мне нездоровится, дитя. Когда-нибудь ты станешь заботиться о Сэмми и о себе. Возможно, брошь придется продать.

– Ах, мама, нет...

– Возможно, придется, и решение принимать тебе. Не позволяй моей сентиментальности мешать тебе, слышишь?

– Да, мама.

– Но если придется ее продавать, будь осторожна. Ее нельзя продать официально, записей не должно остаться.

– Почему?

Мать посмотрела на нее, и Элиза узнала этот взгляд. Она сама не раз глядела так на Сэмми, когда решала, стоит ли быть предельно откровенной.

– Потому что моя семья узнает. Они заявят, что ее украли...

Элиза лишь молча подняла брови. Семья матери, как и ее прошлое, была редкой темой для разговоров.

– ...якобы украли, милая Элиза, потому что она моя. Мать подарила ее мне на шестнадцатый день рождения, брошь много лет принадлежала моей семье.

– Но если она твоя, мама, почему никому нельзя знать об этом?

– Узнают, что продали брошь, – узнают и наш адрес, а этого нельзя допустить.

Она взяла Элизу за руки. Глаза матери были широко раскрыты, а лицо побледнело от усилий.

– Ты понимаешь?

Элиза кивнула, она поняла. Ну, то есть вроде бы поняла. Мать тревожилась из-за плохого человека, того, о ком она предупреждала их всю жизнь, который может оказаться где угодно, таиться за углом, надеясь схватить их. Элиза всегда любила рассказы об этом человеке, хотя мать никогда не вдавалась в подробности, достаточные, чтобы утолить ее любопытство. Элиза сама приукрасила предостережения матери, наделив негодяя стеклянным глазом, корзинкой змей и слюнявой ухмылкой.

– Принести тебе лекарство, мама?

– Хорошая девочка, Элиза, ты хорошая девочка.

Элиза поставила глиняную горчичницу на кровать рядом с матерью и принесла бутылочку настойки опия. Когда она вернулась, мать погладила прядь длинных волос, выбившуюся из косы Элизы.

– Позаботься о Сэмми, – сказала она. – И позаботься о себе. Все время помни: если воля сильна, то даже слабый может обладать великой властью. Ты должна быть смелой, когда я... если со мной что-нибудь случится.

– Конечно, мама, но с тобой ничего не случится.

Элиза не верила в свои слова, и мать тоже. Все знали, что случается с людьми, больными чахоткой.

Мать сумела выпить лекарство, затем утомленно откинулась обратно на подушку. Ее рыжие волосы разметались вокруг, обнажив бледную шею с единственным изъяном – тонким шрамом, который упорно не бледнел и когда-то вдохновил Элизу сочинить сказку о схватке матери с Потрошителем. Еще одну сказку, которую она никогда не рассказывала матери.

Не открывая глаз, мать тихо заговорила короткими, быстрыми фразами:

– Элиза, деточка моя, я повторю лишь раз. Если он найдет тебя и надо будет спастись, тогда, и только тогда, достань горшочек. Не ходи в «Кристиз», не ходи в большие аукционные дома. Они ведут записи. Иди за угол и постучись в дом мистера Бакстера. Он скажет тебе, как найти мистера Джона Пикника. Мистер Пикник знает, что делать. – Ее веки задрожали от столь длинной речи. – Ты поняла?

Элиза кивнула.

– Ты поняла?

– Да, мама, я поняла.

– А до того забудь о ее существовании. Не трогай ее, не показывай Сэмми, ни единой живой душе не говори. И вот еще что, Элиза...

– Да, мама?

– Всегда остерегайся человека, о котором я говорила.

Элиза была верна слову. Почти во всем. Она доставала горчичницу всего два раза, но только чтобы посмотреть, погладить пальцами брошь, совсем как мать, ощутить ее магию, ее бесценную власть, прежде чем быстро и старательно запечатать крышку свечным воском и убрать горшочек на место.

Но в тот день девочка достала его не для того, чтобы взглянуть на мамину брошь утрат. Нет, Элиза кое-что добавила в горчичницу. Свое собственное сокровище, свой собственный запас на черный день.

Она вытащила небольшой кожаный мешочек и крепко сжала его в кулаке, пытаясь впитать энергию его твердости. Эту безделушку Сэмми нашел на улице и подарил сестре. Игрушка какого-то богатого ребенка, оброненная и забытая, найденная и возрожденная. Элиза с самого начала прятала ее. Она знала, что, если Суинделлы найдут мешочек, их глаза загорятся и они заставят оставить его внизу, в тряпичной лавке. А Элизе он был нужнее всего на свете. Это был подарок, и он принадлежал ей. Большая редкость.

Прошло несколько недель, прежде чем девочка наконец нашла для него применение – прятать тайные монеты, те, о которых Суинделлы ничего не знали, которыми платил ей Мэтью Родин, крысолов. Элиза умела ловить крыс, хоть и не любила это занятие. В конце концов, крысы просто пытаются выжить, как могут, в городе, не склонном щадить тихих и кротких. Она старалась не думать, что сказала бы мать – та всегда любила животных, – а вместо этого напоминала себе, что особого выбора у нее нет. Если они с Сэмми хотят выжить, им нужны собственные деньги, тайные монеты, о которых Суинделлы не знают.

Элиза села на край камина, положила глиняную горчичницу на колени и вытерла измазанные золой ладони об изнанку платья. Ничего страшного, ведь изнанку миссис Суинделл не увидит. Так что ее недоверчивый нос не задергается.

Когда Элиза сочла руки достаточно чистыми, она открыла мешочек, ослабила мягкую шелковистую ленточку, осторожно расширила горловину и заглянула внутрь.

«Спаси себя, – сказала мать, – и позаботься о Сэмми». Именно это и собиралась сделать Элиза. В мешочке лежали четыре монеты. Двенадцать пенсов и трехпенсовик, их хватит на пятьдесят апельсинов. Достаточно, чтобы начать карьеру торговцев апельсинами. Они зарабатывают монет, купят еще апельсинов, и так у них появятся свои деньги, свое маленькое дело. Они смогут найти новое жилище, где будут в безопасности, где не будет бдительного, мстительного взора Суинделлов. Никто не будет постоянно угрожать передать их «благотельникам» и отправить в рабочий дом... На лестничной площадке раздалися шаги.

Элиза положила монеты обратно в мешочек, затянула ленточку и запихала мешочек в горчичницу. С колотящимся сердцем она засунула горчичницу обратно в трубу; запечатать можно и позже. Девочка едва успела вскочить и усесться, сама невинность, на краешек расшатанной кровати.

Дверь распахнулась, и вошел Сэмми, все еще черный от сажи. Он стоял в проеме двери, единственная свечка тускло мерцала в его руке. Брат казался таким хрупким, что Элиза сочла это игрой света. Она улыбнулась Сэмми, тот подошел к ней и достал из кармана маленькую картофелину, украденную из кладовой миссис Суинделл.

– Сэмми! – возмутилась Элиза, принимая мягкую картофелину. – Ты же знаешь, что она их считает. Она поймет, что ты взял ее.

Сэмми пожал плечами и стал умываться в миске с водой, стоящей рядом с кроватью.

– Спасибо, – сказала она.

Элиза засунула картофелину в корзинку для штопки, пока он не видел. Она вернет ее утром.

– Холодает, – продолжила девочка, снимая передник и оставаясь в одном нижнем платье. – Рано в этом году.

Элиза залезла в кровать, дрожа под тонким серым одеялом.

Раздевшись до нижней рубашки и штанов, Сэмми улегся рядом. Его ступни мерзли, и она попыталась согреть их своими.

– Все будет хорошо, – сказала Элиза, думая о кожаном мешочке, о двенадцати пенсах в нем. – Я позабочусь об этом, обещаю.

Тишина.

– Рассказать тебе сказку?

Она ощутила движение его головы, волосы брата мазнули ее по щеке, когда он кивнул, и потому начала свою любимую сказку:

– Давным-давно, когда ночь была холодной и темной, а улицы пустыми и близнецы в ее животике толкались и пинались, принцесса услышала шаги за спиной и сразу поняла, чье гибельное приближение они предвещают...

Она рассказывала ее годами, только не тогда, когда мать могла услышать. Мать сказала бы, что она расстраивает Сэмми своими небылицами. Мать не понимала, что дети не боятся историй, что их жизни полны куда более страшных событий, чем те, что случаются в волшебных сказках.

Глава 15

Лондон, Англия, 2005 год

Дочь Бена, Руби, ждала Кассандру, когда та прилетела в Хитроу. Пухлая женщина лет шестидесяти с сияющим лицом и короткими серебристыми волосами, которые притягивали взгляды, – такова была Руби. Ее энергия, казалось, пропитывала воздух вокруг; она была не из тех, кого не замечают. Не успела Кассандра выразить удивление, что незнакомка приехала встречать ее в аэропорт, как Руби схватила чемодан Кассандры, обняла гостью пухлой рукой и повлекла через стеклянные двери аэропорта на затуманенную выхлопными газами парковку.

Ее машина была потрепанным старым хетчбэком, внутри все пропахло мускусом и химическим ароматизатором с цветочным запахом, который Кассандре был незнаком. Когда обе пристегнулись ремнями, Руби вынула из сумочки пакетик лакричного ассорти и предложила Кассандре, та взяла кубик в зеленую, белую и черную полоску.

– Я на них подседа, – сообщила Руби, забрасывая розовый кубик в рот и перекатывая его языком к щеке. – Основательно подседа. Иногда не успеваю доесть один, как рука уже тянется к другому. – Мгновение она яростно жевала, затем сглотнула. – Ах, хорошо. Жизнь слишком коротка, чтобы от чего-то воздерживаться.

Несмотря на поздний час, на дорогах было полно машин. Они мчались через ночной город. Согбенные уличные фонари лили оранжевый свет на асфальт. Пока Руби быстро ехала, резко давила на тормоз в случаях крайней необходимости, жестикулировала и кивала другим водителям, осмелившимся встать у нее на пути, Кассандра смотрела в окно, мысленно чертя концентрические круги архитектурных течений Лондона. Ей нравилось изучать городские постройки. Поездка с окраины в центр – все равно что посылка временной капсулы в прошлое. Современные отели аэропорта, широкие, гладкие автомагистрали перетекали в двухквартирные дома с отделкой из гальки постройки сороковых годов двадцатого века, затем в апартаменты ар-нуво и, наконец, в темную сердцевину викторианских домов.

Когда они приблизились к центру Лондона, Кассандра сообразила, что забыла сообщить Руби название гостиницы, бронированной на две ночи еще до отъезда в Корнуолл. Она нашла в сумке пластиковую папку, в которой хранила путевые бумаги.

– Руби, – спросила она, – а Холборн далеко?

– Холборн? Далек. На другом конце города. А что?

– Там моя гостиница. Конечно, я могу поймать такси, я вовсе не рассчитывала, что ты довезешь меня до дверей.

Руби долго смотрела на нее, и Кассандра начала беспокоиться, что та не следит за дорогой.

– Гостиница? Не думаю.

Она сменила передачу и нажала на газ как раз вовремя, избежав столкновения с синим фургоном впереди.

– Ты остановишься у меня, и возражений я не потерплю.

– Нет-нет, – ответила Кассандра, всполох синего металла продолжал гореть у нее перед глазами. – Я не могу, такое беспокойство. – Она чуть ослабила хватку на ручке двери. – К тому же слишком поздно отменять бронь.

– Никогда не поздно. Я этим займусь.

Руби снова повернулась к Кассандре, ремень сжимал ее большую грудь, так что та едва не выскакивала из блузки.

– Никакого беспокойства, я приготовила постель и очень рада тебя видеть. – Она усмехнулась. – Папа бы шкуру с меня спустил, если бы узнал, что я позволила тебе жить в гостинице!

Когда они добрались до Южного Кенсингтона, Руби дала задний ход и загнала машину на узкое парковочное место. Кассандра затаила дыхание, восхищаясь и опасаясь бодрой самоуверенности этой женщины.

– Ну вот мы и приехали.

Руби вынула ключи из зажигания и указала на белый фасад на другой стороне улицы.

– Дом, милый дом.

Квартирка была крошечной. Она находилась в самой глубине дома эпохи короля Эдуарда, за двумя лестничными пролетами и желтой дверью. В ней была всего одна спальня, душевая кабинка, туалет и кухонька, совмещенная с гостиной. Руби расстелила для Кассандры диван.

– Боюсь, всего три звезды, – сказала она. – Я исправлюсь за завтраком.

Кассандра неуверенно глянула на крошечную кухоньку, и Руби засмеялась так, что ее лимонная блузка заколыхалась. Она вытерла глаза.

– О боже, нет! Я не собираюсь готовить. Зачем подвергать себя адским мукам, если у других это получается намного лучше? Нет, я отведу тебя за угол в «Карлучос»¹⁴.

Она щелкнула выключателем чайника.

– Чайку?

Кассандра слабо улыбнулась. Чего ей по-настоящему хотелось, так это расслабить лицевые мышцы и перестать вежливо улыбаться. Возможно, дело в том, что она слишком много времени провела высоко в небе или просто она немного мизантропка, как обычно. Но она истратила последнюю каплю энергии на поддержание дружелюбного вида. Чашка чая означает по меньшей мере еще двадцать минут улыбок, кивков и, помощи боже, поиска ответов на бесконечные вопросы Руби. Мгновение она с несбыточной тоской думала о гостиничном номере на другом конце города. А затем заметила, что Руби уже опускает двойные пакетики чая в парные чашки.

– Не откажусь.

– Тогда держи, – сказала Руби, протягивая Кассандре дымящуюся кружку.

Хозяйка села с другой стороны дивана и просияла, вокруг нее сгустилось облако мускусного аромата.

– Не стесняйся. – Она показала на сахарницу. – Можешь пока рассказать мне о себе. Какая изумительная загадка, этот твой дом в Корнуолле!

Когда Руби наконец улеглась в постель, Кассандра попыталась уснуть. Она устала, цвета, звуки, формы, все расплывалось вокруг, но сон не шел. Образы и разговоры быстро проносились в голове, нескончаемый поток мыслей и чувств, почти не связанных: Нелл и Бен, антикварная лавка, мать, перелет, аэропорт, Руби, Элиза Мейкпис и ее волшебные сказки...

Наконец она отчаялась уснуть, сбросила одеяло и встала с дивана. Глаза привыкли к темноте, так что девушка сумела добраться до единственного окна квартиры. Широкий подоконник выступал над батареей, и если бы Кассандра раздвинула шторы, то как раз бы на нем уместилась, прижалась спиной к одной толстой оштукатуренной стене и коснулась ступнями другой. Она оперлась о колени, наклонилась вперед и выглянула на улицу поверх чахлах викторианских садов с каменными стенами, увитыми плющом. Лунный свет тихо звенел на земле.

Хотя уже почти пробило полночь, в Лондоне не было темно. Кассандра подозревала, что в таких городах, как Лондон, темно вообще уже не бывает. Современный мир убил ночь. Когда-то Лондон, верно, был совсем другим, существовал во власти природы. Город, где сумерки обращали улицы в деготь, а воздух – в туман: Лондон Джека Потрошителя.

---

¹⁴ «Карлучос» – английская сеть итальянских кафе, ресторанов и магазинов.

Таким был Лондон Элизы Мейкпис, Лондон, о котором Кассандра прочла в тетради Нелл, город мгlistых улиц и лошадей, горящих фонарей, что появлялись и снова исчезали в туманном мареве.

Глядя вниз, на узкие булыжные «конюшни»¹⁵, она представляла обитателей старого Лондона: призрачные всадники гонят напуганных лошадей по пешеходным улочкам, фонарщики хохлятся на высоких козлах, и их подвешенные фонари горят оранжевым светом. Уличные рабочие и девки, полицейские и воры...

Кассандра зевнула и потеряла внезапно отяжелевшие веки.

Поеживаясь, хоть и не от холода, она слезла с подоконника и скользнула обратно под одеяло, закрыла глаза и уплыла в полное сновидений забытье.

---

¹⁵ «Конюшни» – старые конюшни, особенно в Лондоне, в настоящее время перестроенные под жилье и гаражи.

Глава 16

Лондон, Англия, 1900 год

Туман был густым и желтым, цвета пастернака и пшеничной похлебки. Он наступал по ночам, катился по поверхности реки и тяжело расплзался по улицам вокруг домов, проникая под дверные упоры. Элиза наблюдала через щель в кирпичях. Под безмолвным плащом тумана дома, газовые фонари, стены превращались в чудовищные тени, кренившиеся в разные стороны, и зеленовато-желтые облака проплывали между ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.